ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ

или

ПОДВИГИ КАВАЛЕРОВЪ

ОРДЕНА

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБѢДОНОСЦА ГЕОРГІЯ,

ВСѢХЪ СТЕПЕНЕЙ,

СЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ ИХЪ СЛУЖБЫ И ЖИЗНИ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

выходящее

съ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія.

ВЫПУСКИ 11 и 12-й.

1. генералъ-адъютантъ Н. Н. АННЕНКОВЪ.
2. генералъ-адъютантъ баронъ Э. А. РАМЗАЙ.
3. генералъ-отъ-инфантеріи кн. П. Д. ГОРЧАКОВЪ (вмѣсто прежде выданныхъ страницъ и въ дополненіе).
4. рядовой А. Я. СИНЮГИНЪ.
5. рядовой К. С. КАЛЯКИНЪ.
6. унтеръ-офицеръ Г. К. ОЗЕРОВЪ.
7. ботсманъ Г. КОВАЛЬЧУКЪ.
8. барабанщикъ С. Н. РЕУТОВИЧЪ.

ПОРТРЕТЫ: 1) генерала-отъ-инфантеріи князя П. Д. ГОРЧАКОВА, 2) генерала-отъ-артиллеріи барона Н. И. КОРФА; 3) генералъ-адъютанта Н. Н. АННЕНКОВА и 4) генералъ-адъютанта барона Э. А. РАМЗАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Описанія подвиговъ всякаго рода, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ихъ совершившихъ, въ западной Европѣ и Америкѣ безпрерывно появляются въ печати, и имѣютъ многочисленныхъ читателей во всѣхъ слояхъ общества, отъ дворца царскаго до хижины поденщика, отъ палатъ правительственныхъ мѣстъ до казармъ. Иначе, кажется, и быть не должно. Что же дороже для народной гордости, какъ не сохраненіе подробностей о достопамятныхъ дѣлахъ соотечественниковъ? что же поучительнѣе, какъ не сказанія о жизни достопамятныхъ предковъ и замѣчательныхъ братьевъ?

«Удивляясь тебѣ, хваля тебя, и если у насъ есть силы, подражая тебѣ, мы почтимъ память твою», говоритъ Тацитъ, описывая жизнь великаго соотечественника. Праотцы наши также заповѣдывали: чтить и помнить людей, доблестно служившихъ Церкви Христовой, Царю Православному и Святой Руси.

Но въ то время, какъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи ни одинъ, даже самомалѣйшій подвигъ не пропадаетъ въ безвѣстности, всякая замѣчательная личность дѣлается достояніемъ Исторіи, излагается въ многочисленныхъ словаряхъ, книгахъ и брошюрахъ, у насъ, на Руси, тысячи славныхъ дѣлъ, лежатъ подъ спудомъ, оставаясь навсегда невѣдомыми не только для потомства, но и для современниковъ, и изданія, предпринимавшіяся съ прекрасною цѣлію сохранить подробности о жизни замѣчательныхъ соотечественниковъ, за не многими исключеніями, не могли быть доведены до конца. Здѣсь не мѣсто разбирать причинъ этихъ неудачъ.

Не смотря на такіе разительные примѣры, многіе, въ томъ числѣ и я, сохраняютъ твердое убѣжденіе, что подобные сборники, особенно въ настоящее время, могутъ быть издаваемы въ Россіи съ огромною пользою, не говорю для издателей, ибо на выгоды сильно разсчитывать не возможно, но для отечественной чести и славы, для болѣе или менѣе значительной части Русскаго Народа. Объяснимся. Если подобному изданію удастся сохранить на страницахъ своихъ лишь нѣсколько подробностей о жизни дѣйствователей, отличившихъ себя замѣчательнымъ, часто громаднымъ подвигомъ, даже если удастся просто соединить въ одно цѣлое патенты на чины, грамоты на ордена, да послужные списки, когда нѣтъ ничего болѣе въ распоряженіи біографа, т. е. офиціальные документы, которыхъ нетолько собрать, но иногда даже взглянуть на которые стоитъ многихъ трудовъ, и тѣмъ спасти гибнущія въ неизвѣстности дѣянія, или хотя одни имена людей, вполнѣ стоящихъ того, чтобы не оставаться въ неизвѣстности, то и тогда такого предпріятія нельзя не считать заслугой; если цѣлое изданіе сказаній о достославныхъ отцахъ и братьяхъ возбудитъ тлѣющій огонь въ душѣ даже одного читателя на подвиги, подобные совершеннымъ ими во славу Святой Руси, то и это должно служить огромнымъ поощреніемъ за трудъ собирателю, неоцѣненною наградою за расходы и хлопоты издателю.

Руководимый такою мыслію, проникнутый такимъ убѣжденіемъ и имѣя множество военно-біографическихъ матеріаловъ, плодъ пятнадцатилѣтнихъ усиленныхъ занятій отечественною исторіею, я, въ 1857 году, предложилъ полковнику Новоселову предпринять періодическое изданіе: «Кавказцы, или подвиги и жизнь замѣчательнѣйшихъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ».

О намѣреніи С. К. Новоселова предпринять это изданіе ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ Всемилостивѣйше отозваться: «мысль весьма хорошая». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастіе удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство постояннoснисходительно оказывало полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось, во множество лестныхъ отзывовъ отъ достойныхъ полнаго уваженія лицъ изъ С.-Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и изъ Сибири, а равно и военныхъ журналовъ.

Во все время существованія изданія я постоянно работалъ при составленіи помѣщенныхъ въ немъ статей. Посему этому, когда послѣ существованія въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ «Кавказцевъ», служебныя и другія обстоятельства заставили полковника С. К. Новоселова прекратить свою литературную дѣятельность, я поспѣшилъ принять это изданіе на себя.

Во время собиранія и разработки свѣдѣній о подвигахъ и жизни Кавказцевъ, у меня накопилось особенно много свѣдѣній и о кавалерахъ ордена Св. Побѣдоносца Георгія, не служившихъ на Кавказѣ, а глубокое убѣжденіе въ пользѣ сохраненія подробностей о подвигахъ *храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ* и распространенія ихъ въ войскахъ, заставило меня рѣшиться расширить прежнюю программу, сдѣлавъ это изданіе хранилищемъ свѣдѣній вообще о Кавалерахъ Св. Георгія, на какомъ бы театрѣ войны не былъ полученъ этотъ дорогой знакъ доблести, а жизнеописанія лицъ отличившихся на Кавказѣ, но не получившихъ военнаго креста, помѣщать въ прибавленія.

Генералъ - отъ - Артиллеріи.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОРФЪ,

Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АННЕНКОВЪ, 2.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АННЕНКОВЪ.

(*Кавалеръ 4-го класса.*)

Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи Николай Николаевичъ Анненковъ, — безспорно принадлежащій къ числу наидостойнѣйшихъ кавалеровъ св. Георгія, не только своими важными военными заслугами, но и какъ сановникъ равно замѣчательный своею полезною дѣятельностью въ многоразличныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, — происходитъ изъ дворянъ Нижегородской губерніи и родился въ 1799 г. отъ Полковника Николая Никаноровича Анненкова.

Послѣ тщательнаго домашняго воспитанія, Николай Николаевичъ окончилъ образованіе въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, въ которомъ въ 1812 г. былъ удостоенъ званія студента. Въ это время, Русскій народъ, по гласу Благословеннаго Царя,

встрѣтилъ грудью исполинскаго врага, отстоялъ св. родину и, избавляя міръ отъ ига завоевателя, побѣдоносно пронесъ торжествовавшія знамена наши, подъ личнымъ предводительствомъ Державнаго «Царей Диктатора», чрезъ всю Европу и покореніемъ Парижа отплатилъ за пожаръ Москвы.—Естественно, что подобныя событія не могли не дѣйствовать на юношество грозно-славной эпохи: и множество молодыхъ дворянъ, не выждавъ даже юношескаго возраста, спѣшили стать въ ряды Русскаго воинства. Такъ и Николай Николаевичъ, возвратившійся въ Московскій Университетъ послѣ бѣгства Французовъ изъ Россіи, поспѣшилъ, не кончивъ вполнѣ университетскаго курса, опредѣлиться въ военную службу, когда Наполеонъ, въ 1815 г., внезапно явился съ острова Эльбѣ на берегахъ Франціи. Поступивъ въ Февралѣ мѣсяцѣ подпрапорщикомъ въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ, онъ лѣтомъ того же года участвовалъ въ походѣ Гвардейскаго Корпуса въ западныя наши губерніи, изъ которыхъ Гвардія осенью же возвратилась въ С.-Петербургъ, вслѣдъ за новымъ низверженіемъ Наполеона.

Чрезъ два года, 5-го Мая 1817 года, имѣя отъ роду 18 лѣтъ, Анненковъ былъ произведенъ въ прапорщики и три года провелъ исполняя обыкновенныя обязанности строеваго оберъ-офицера, и въ теченіи этого времени получилъ чины: 9-го Апрѣля 1819 г. подпоручика, а 4-го Марта 1820—поручика. 2-го Октября послѣдняго года—онъ былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ въ 1-ю Бригаду 1-й Пѣхотной Гвардейской Дивизіи, 24-го Января 1821—переведенъ въ Лейбъ-Гвардію Преображенскій полкъ, 26-го Октября того же года—«въ воздаяніе ревностной службы и отличныхъ трудовъ»—награжденъ первымъ орденомъ св. Анны 3-й степени, и 19-го Апрѣля 1823 г. произве-

денъ, на вакансію, въ штабсъ-капитаны. 8-го Февраля 1824 г.—Николай Николаевичъ назначенъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, 24-го Декабря этого года произведенъ, на вакансію, въ капитаны, 22-го Августа 1827—«за отлично-усердную службу» награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., а 23-го Января 1828, «за отличіе» произведенъ въ полковники и въ этомъ чинѣ и званіи принялъ дѣятельное участіе въ Турецкой и Польской войнахъ.

Состоя при Его Императорскомъ Высочествѣ Анненковъ, съ 1-го Мая 1828 г. находился въ Молдавіи, а съ 5-го въ Валахіи—при весьма замѣчательной осадѣ крѣпости Браилова, которая поручена была Великому Князю Его Державнымъ Братомъ, — осадѣ, составляющей одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ кампаніи.

Въ продолженіи всей осады, Анненковъ находился постоянно при Начальникѣ Штаба Осаднаго Корпуса Генералъ-Адъютантѣ Сухозанетѣ, наблюдая за дѣйствіями въ траншеяхъ и составляя всеподданнѣйшія реляціи о ходѣ осады; учавствовалъ въ штурмѣ 3-го Іюня,—который не удался, но тѣмъ не менѣе покрылъ новою славою дѣйствовавшее въ немъ войско; а при сдачѣ и по взятіи крѣпости, павшей къ стопамъ Николая 6-го Іюня, учавствовалъ въ переговорахъ съ начальствомъ Турецкаго гарнизона и въ принятіи крѣпостнаго имущества.

«Въ воздаяніе ревностной службы, отличной храбрости и постояннаго усердія, оказанныхъ во все время осады и въ сраженіи 3-го Іюня»,—Николай Николаевичъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени алмазами украшеннымъ.

Потомъ, слѣдуя за Дунай въ Булгарію, Николай Николаевичъ находился подъ крѣпостями Шумлою и Варною,—изъ коихъ при послѣдней по день сдачи 29-го Сентября, послѣ чего возвратился въ наши предѣлы 21-го Октября.

Вообще за Турецкую войну, Николай Николаевичъ, на равнѣ со всѣми, Всемилостивѣйше пожалованъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ и медалью, въ память войны установленною.

Въ кратковременный періодъ отъ Турецкой до Польской войны, Анненковъ удостоился особеннаго Высочайшаго благоволенія, объявленнаго въ Высочайшемъ приказѣ 4-го Іюля 1830 г., за исправленіе въ Петергофѣ должности Плацъ-Маіора.

Когда же наши войска двинулись смирять гидру мятежа, то состоя при Великомъ Князѣ, Николай Николаевичъ перешелъ 15-го Марта 1831 г. границу Царства, но вскорѣ на него начали возлагать особыя порученія, и постепенно возраставшая ихъ важность, доказываетъ то мнѣніе, которое начальство имѣло объ его способностяхъ и распорядительности. Съ 19-го по 30-е Марта Николай Николаевичъ состоялъ въ отрядѣ Генералъ-Лейтенанта Барона Остенъ-Сакена, исправляя должность Начальника Штаба, и былъ въ экспедиціи, предпринятой подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Бистрома, для очищенія отъ мятежниковъ пространства между Бугомъ и Наревомъ, причемъ пришолъ изъ м. Герватъ, чрезъ м. Говорово, д. Пробуты, Пржетицѣ и Рикопды, до д. Гродекъ. Потомъ, начальствуя особымъ отрядомъ, онъ былъ откомандированъ для наблюденія м. Староземска и Новоземска, что на Наревѣ. По присоединеніи же къ отряду, Николай Николаевичъ находился при обратномъ слѣдо-

ваніи генерала Бистрома, чрезъ д. Рикопды, Пржетицы, Пробуты и м. Говорово, въ м. Герваты.

Въ это время на правомъ нашемъ флангѣ, въ Августовскомъ Воеводствѣ, кипѣла малая война. Маіоры Пушетъ и Шонъ вели противъ нашихъ подвижныхъ отрядовъ настоящую партизанскую войну, скрываясь въ глуши лѣсовъ и болотъ, нападая малыми отрядами на транспорты и подводы, перехватывая курьеровъ и оскверняя дѣйствія свои отвратительнымъ безчеловѣчіемъ.

Для рѣшительнаго уничтоженія этихъ скопищъ мятежниковъ въ воеводствѣ былъ образованъ отдѣльный отрядъ, который, съ 4-го Апрѣля, ввѣренъ Николаю Николаевичу, подъ главнымъ начальствомъ временнаго Августовскаго Военнаго Губернатора, Генералъ-Маіора фонъ-Фрикена.

Перейдя съ этимъ отрядомъ изъ Кальваріи къ Маріамполю, Николай Николаевичъ занялъ 5-го числа послѣдній городъ и отсюда предпринималъ экспедиціи: въ ночь съ 6-го на 7-е число къ м. Людвинову, съ 7-го по 8-е въ д. Гудупье, 8-го къ д. Понесупье и того-жъ числа взялъ въ плѣнъ начальника мятежнической шайки, собиравшейся въ окрестностяхъ д. Гудупье отставнаго Маіора Модейскаго.

Чрезъ день, 10-го числа, Анненковъ былъ, подъ г. Маріамполемъ, атакованъ мятежниками, въ числѣ 4-хъ тысячъ человѣкъ, подъ личнымъ начальствомъ Пушета и Шона. Небольшой отрядъ Николая Николаевича состоялъ только изъ $3\frac{1}{2}$ ротъ пѣхоты, 2-хъ легкихъ пѣшихъ орудій и до 250 чел. кавалеріи (*), однако, не взирая на чрезмѣрное

(*) Официально, въ Спб. Вѣд. 1831 г. № 94. По Военно-Энциклопедическому Лексикону (2 изданіе X, 441), у Анненкова состояло 3 роты пѣхоты, 2 эскадрона уланъ и 2 орудія.

превосходство силъ мятежниковъ, не только отразилъ сдѣланное на него нападеніе, но и совершенно разбилъ и истребилъ эти шайки. Большая часть мятежниковъ была положена на мѣстѣ, въ плѣнъ взято 1170 человѣкъ (¹) разнаго званія; въ томъ числѣ и начальствовавшіе этими скопищами Маіоръ Шонъ, капитанъ Сперлинскій и 11 другихъ офицеровъ. Весьма не многіе изъ Поляковъ успѣли убѣжать; но и они дѣятельно преслѣдовались. Шонъ былъ разстрѣленъ за свои злодѣянія и насильства, обращенныя въ особенности противъ злополучныхъ Евреевъ.

Наградою Николаю Николаевичу за этотъ подвигъ былъ дорогой для воина крестъ Св. Георгія 4-го класса, полученный при слѣдующей грамотѣ:

«Нашему Полковнику Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго Полка, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича Адъютанту Анненкову.

«Въ воздаяніе ревностной службы Вашей, благоразумныхъ распоряженій и отличной храбрости, оказанныхъ Вами при пораженіи 10-го Апрѣля 1831 года Польскихъ мятежниковъ Августовскаго Воеводства при г. Маріамполѣ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы Васъ Указомъ, въ 4 день Мая 1831 г. Канцлеру даннымъ, Кавалеромъ Ордена Св. Георгія 4-го класса».

Послѣ этого Анненковъ имѣлъ назначеніе дѣйствовать противъ другой шайки мятежниковъ, производившей, подъ начальствомъ Виницкаго и Шарковскаго, разбой въ лѣсахъ между г. Сейномъ, м. Линскомъ и Стабиномъ. Выступя съ отрядомъ изъ г. Маріамполя 17-го Апрѣля,

---

(¹) Официально, въ Спб. Вѣд. 1831 г. № 94. По формулярному списку 2001 человѣкъ.

онъ слѣдовалъ чрезъ м. Лодзіею до г. Сейны, гдѣ, по соединеніи съ другимъ отрядомъ, 22-го Апрѣля сбилъ мятежническіе передовые посты, находившіеся около Руды-Гарчицы и гналъ ихъ около 12-ти верстъ, а 23-го, въ лѣсахъ между Рудою-Гарчицею и Ястржембною, разбилъ и уничтожилъ совершенно шайку и взялъ Виницкаго и другихъ его сообщниковъ въ плѣнъ.

3-го Мая (*) Анненковъ прошелъ съ отрядомъ чрезъ м. Липскъ, Голошинъ и Сапочкинъ до Кадыша и обратно, чрезъ тѣ же мѣста, до Ястржембны, а на другой день выступилъ къ Стабину и, близъ этого мѣстечка, настигнувъ мятежническую шайку, подъ начальствомъ помѣщика Плонскаго, разогналъ ее, взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Отсюда онъ двинулся чрезъ д. Могильницу, Шлюзъ и Бѣлобреги, въ г. Августовъ, куда и прибылъ 6-го Мая.

Съ 8-го по 12 число того же мѣсяца Николай Николаевичъ снова дѣйствовалъ противу Пушета, во второй экспедиціи, имѣвшей послѣдствіемъ совершенное истребленіе этой шайки мятежниковъ.

За тѣмъ, пройдя съ отрядомъ изъ г. Маріямполя, чрезъ Буды, Болвіержшки, Симно, Лодзіею и г. Сейны, до города Сувалокъ, онъ присоединился къ отряду Генералъ-Лейтенанта Барона Остенъ-Сакена. Такимъ образомъ, Николай Николаевичъ сдѣлался участникомъ въ прекрасныхъ дѣйствіяхъ этого генерала противъ Гельгута. Сперва, 12-го числа, онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ нашей позиціи на рѣкѣ Эргжнѣ, близъ д. Вазкавесь и въ продолженіе двухъ сутокъ находился въ не-

---

(*) По формуляру — Апрѣля.

престанной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, покушавшимся прорваться чрезъ этотъ флангъ. Потомъ, исправляя должность Начальника Штаба, Анненковъ находился 17-го Мая при м. Райгородѣ, гдѣ подъ нимъ была убита лошадь и самъ онъ контуженъ въ правое бедро. Послѣ того, Николай Николаевичъ участвовалъ въ отступательномъ движеніи отъ м. Райгородъ, чрезъ Августово, Сувалки, Кальварію и Маріямполь, до г Ковно, потомъ въ предѣлахъ Россіи;—25-го Мая въ движеніи произведенномъ внизъ по правому берегу Нѣмана, до м. Вилки; 26-го Мая въ обратномъ движеніи на г. Ковно, чрезъ м. Румшишки, Жижиморы и Риконды, до г. Вильны.

Наконецъ, 7-го Іюня, въ должности Начальника Штаба, Анненковъ находился въ сраженіи противъ Гельгута на Понарскихъ высотахъ, въ 7 верстахъ отъ Вильно, а послѣ пораженія непріятеля, участвовалъ въ преслѣдованіи Поляковъ до рѣки Ваки. За это послѣднее сраженіе, «въ воздаяніе ревностной службы, отличнаго мужества и храбрости», Николай Николаевичъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 12 по 16-е Іюня, Анненковъ находился въ наступательномъ движеніи отъ города Вильно, чрезъ м. Риконды, Жижеморы и Румшишки, въ г. Ковно, въ преслѣдованіи и совершенномъ истребленіи непріятельскаго отряда, составлявшаго Ковенскій гарнизонъ, а 20-го Іюня отъ г. Ковно, чрезъ м. Бабты и Лабуново, до м. Чеклисъ и далѣе внизъ по Неману, правымъ берегомъ этой рѣки, чрезъ м. Средники, Валіоны и замокъ Рауданы, до замка Гелгутова, откуда въ движеніи къ г. Россіены и, командуя отдѣльною колоною, слѣдовалъ чрезъ Беборви, Нимргы, Яржвшики, Немокшты, до м. Видуклы, гдѣ и соединился съ отрядомъ Генералъ-Лейтенанта Барона Остенъ-Сакена.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ учавствовалъ въ движеніи отъ м. Видуклы, чрезъ Немокшты, Колтымяны, Телѣли, Тепени, до м. Новое-Мѣсто, близъ котораго, тѣснимыя непріятельскія колоны, подъ начальствомъ мятежниковъ Роланда и Шимановскаго, перейдя въ границы Пруссіи, сложили оружіе. Отсюда онъ прибылъ вмѣстѣ съ отрядомъ, 3-го Іюля, въ мѣстечко Ваймуты, а изъ него, двинувшись 8-го, чрезъ Юрбургъ и Валки, прибылъ, 15-го, снова въ Ковно.

Въ знаменитые дни 25-го и 26-го Августа Анненковъ имѣлъ честь учавствовать въ штурмѣ г. Варшавы. Сверхъ того, будучи назначенъ присутствовать при переговорахъ, происходившихъ о сдачѣ мятежной столицы, онъ нѣсколько разъ, во время самаго штурма—вечеромъ 26-го числа — и потомъ въ продолженіи ночи, пріѣзжалъ изъ города къ главнокомандовавшему за приказаніями и сообщалъ ихъ, производившему переговоры, Генералъ-Маіору Бергу, а на слѣдующій день оставался въ Варшавѣ, для удержанія порядка до вступленія Русскихъ войскъ. «Въ воздаяніе примѣрнаго отличія», при этомъ оказаннаго, ему служилъ орденъ Св. Станислава 2-й степени.

Въ числѣ особыхъ порученій, возлагавшихся, по Высочайшей волѣ, на Николая Николаевича въ послѣдующій мирный періодъ времени, —первымъ было, какъ по времени, такъ и по отношенію къ предмету нашего изданія, — участіе его въ составленіи проэкта новаго Статута ордена Св. Георгія,—и «за усердіе», оказанное при этомъ, онъ, 28-го Мая 1833 г., Всемилостивѣйше награжденъ производствомъ, вмѣсто аренды, въ теченіе 12-ти лѣтъ по 1000 рубл. сер.

Въ 1835 г., во время бывшаго 1-го Іюля въ Петергофѣ праздника, Николаю Николаевичу Высочайше по-

рученобылоисправленiедолжностиПлацъ-Маiоравъэтомъ городѣ, и за исправленiе этой должности и соблюденiе во время праздника тишины и примѣрнаго порядка, въ Высочайшемъ приказѣ 7-го числа того же мѣсяца, ему было объявлено Высочайшее благоволенiе.

На другой день, Iюля 2-го, по Высочайшему повелѣнiю, Анненковъ былъ командированъ въ г. Калишь для исполненiя должности Плацъ-Маiора и по сборѣ войскъ Калишскаго отряда назначенъ Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ при всѣхъ войскахъ, какъ нашихъ, такъ и Прусскихъ; а потомъ, по Высочайшему же повелѣнiю, назначенъ Комендантомъ г. Калиша, съ исправленiемъ должности и Дежурнаго Штабъ-Офицера. Такимъ образомъ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ блистательныхъ маневрахъ, происходившихъ въ присутствiи Незабвеннаго Монарха, Его Семейства и множество знаменитыхъ иностранцевъ и, за отличiе по службѣ, 10-го Сентября этого года, произведенъ въ генералъ-маiоры, съ назначенiемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества и съ оставленiемъ при Штабѣ Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ Кадетскихъ Корпусовъ и Дворянскаго Полка, а отъ Короля Прусскаго удостоился получить орденъ Краснаго Орла 3-й степени.

5-го Декабря этого-же года, по Высочайшему повелѣнiю, Николай Николаевичъ былъ командированъ для осмотра пѣхоты 1-го Пѣхотнаго Корпуса и, за отличное, во всѣхъ отношенiяхъ, исполненiе этого Высочайшаго порученiя, удостоился объявленiя, 15-го Марта 1836 г., особеннаго Монаршаго благоволенiя.

Двѣ недѣли спустя, 29-го Марта, Анненковъ на-

значенъ былъ Командующимъ Л. Гв. Измайловскимъ полкомъ, съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества,—и чрезъ полтора года, 4-го Октября утвержденъ въ званіи командира этого полка.

Въ этомъ званіи, Николай Николаевичъ удостоился объявленія за смотры, парады, ученья и маневры 14 обыкновенныхъ Высочайшихъ благоволеній, 5 особенныхъ, 1 совершеннаго и 1 особеннаго удовольствія(¹), а въ высокоторжественный день 6-го Декабря 1837 г. Всемилостивѣйше награжденъ, «за отлично усердную службу», орденомъ Св. Станислава 1-й степени, и кромѣ того Государь Императоръ, въ Маѣ этого года, Высочайше соизволилъ на воспріятіе отъ купели новорожденной его дочери Елены, причемъ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ знакъ этой милости, подарокъ, по положенію.

Сверхъ того, этого же года, Августа 22-го, въ воздаяніе 15-лѣтней безпорочной службы, онъ награжденъ установленнымъ для того знакомъ отличія.

(¹) 1836 года: Высочайшія благоволенія Апрѣля 27-го за смотръ, Мая 2-го за парадъ, 17-го за церковный парадъ, бывшій въ день полковаго праздника Л. Гв. Измайловскаго полка; Іюня 16-го за произведенные 14-го, 15-го и 16-го числъ того же мѣсяца маневры; Іюля 4-го за практическое ученье и маневръ, 16-го за линейное ученье, 28-го за бывшіе 23, 24, 25, 26 и 27-го числъ того же мѣсяца большіе маневры, и Октября 26-го за смотръ.

1837 года: Высочайшія благоволенія: Февраля 2-го за смотръ; 20-го особенное за смотръ же; Марта 1-го за выступленіе въ практическій походъ; 12-го за вступленіе изъ практическаго похода; 5-го Мая особенное за парадъ; 22-го особенное и совершенное удовольствіе за бригадное ученье; 24-го особенное удовольствіе за цѣльную стрѣльбу, произведенную частями войскъ 1-й и 2-й Гвардейскихъ Пѣхотныхъ Дивизій: Іюня 16-го за маневры, произведенные 14-го, 15-го и 16-го числъ того же мѣсяца; 23-го особенное за тревогу; Іюля 23-го особенное за маневры, произведенные 19-го, 20-го, 21 и 23 числъ того же мѣсяца и 29-го за смотръ.

6-го Декабря 1838 г. Николай Николаевичъ назначенъ Начальникомъ Штаба 6-го Пѣхотнаго Корпуса и, въ тотъ же день, удостоился объявленія Высочайшаго благоволенія, за оказанную готовность къ занятію этой должности, къ которой прибылъ 11-го Января слѣдующаго года.

Въ теченіи почти четырехъ-лѣтняго исполненія этой обязанности, Анненковъ участвовалъ съ корпусомъ въ знаменитой Бородинской годовщинѣ, при чемъ удостоился 7 Высочайшихъ благоволеній (1); въ парадѣ при торжественной закладкѣ въ Москвѣ храма Спасителя, за что тоже удостоился (2) Высочайшаго благоволенія, въ торжественной встрѣчѣ въ Москвѣ Государя Наслѣдника съ Его Августѣйшею Супругою, послѣ Ихъ бракосочетанія, за которой, равно и за Высочайшие смотры, бывшіе въ Высочайшій пріѣздъ въ древнюю столицу въ этомъ и слѣдующемъ годахъ, ему вновь объявлено 4 Высочайшихъ благоволенія (3).

---

(1) 1839 года Августа 17-го — за смотръ лагеря, 19-го — за смотръ, 24-го — за маневръ, 26-го — за общій парадъ, 29-го — за маневръ, 31-го — за смотръ, 1-го Сентября — за маневръ.

(2) 10-го Сентября 1839 г.

(3) 1841 года объявлены Высочайшія благоволенія: Мая 14-го — за совершенный порядокъ и устройство войскъ, находившихся въ строю при торжественномъ въѣздѣ въ Москву Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Цесаревною; 19-го — за Высочайшій смотръ, при коемъ найдены Его Императорскимъ Величествомъ войска въ самомъ отличномъ порядкѣ и устройствѣ во всѣхъ частяхъ; и 4-го — за линейное ученье, въ коемъ также найдены войска Государемъ Императоромъ въ совершенномъ порядкѣ и устройствѣ. Того жъ года, Сентября 4-го объявлено Высочайшее благоволеніе за бывшій того числа смотръ частей войскъ 6-го Пѣхотнаго Корпуса, полковъ: Владимірскаго, Суздальскаго, Рязанскаго, и Ряжскаго въ 3-хъ-баталіонномъ составѣ и 16, 17 и 18 бригадъ 6-й Артиллерійской Дивизіи съ обозомъ этихъ частей.

Сверхъ того, 30-го Августа 1839 г., «въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія къ отлично-усердной и постоянно-ревностной службѣ», Николай Николаевичъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени; 17-го Ноября 1841 г., «въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы», Всемилостивѣйше прибавлено ему къ пожалованнымъ деньгамъ, по 1,000 р. сер. въ годъ, до окончанія срока имъ, т. е. по 29-е Мая 1845 г., еще по 500 рублей ежегодно; 25-го Февраля 1842 г.—въ награду «отлично-усердной и ревностной службы»—Всемилостивѣйше пожалована земля по чину; и наконецъ, въ 1840 г., Государь Императоръ, принимая въ уваженіе ходатайство Командира 6-го Пѣхотнаго Корпуса и то, что онъ, до производства въ чинъ генералъ-маіора, находился довольно долгое время адъютантомъ при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а послѣ того назначенъ въ Свиту Его Величества, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать сына его Михаила, имѣвшаго 6 лѣтъ, не въ примѣръ другимъ, въ пажи къ Высочайшему Двору.

20-го Октября 1842 г. Николай Николаевичъ назначенъ былъ Директоромъ Канцеляріи Военнаго Министерства и чрезъ мѣсяцъ удостоился объявленія, въ Высочайшемъ приказѣ 24-го Ноября, Высочайшаго благоволенія «за отлично-усердную и ревностную службу по прежней должности Начальника Штаба 6-го Пѣхотнаго Корпуса».

Должность Директора Канцеляріи Военнаго Министерства требуетъ неусыпныхъ, постоянныхъ трудовъ, занятій безпрерывныхъ, а въ то время, когда исполнялъ ея Анненковъ, при вниманіи, которое обращалъ въ Бозѣ почивающій Незабвенный Государь на военныя наши

силы — эти труды были особенно огромны. Николай Николаевичъ работалъ безъ устали.

Но, кромѣ непосредственныхъ занятій по должности, довѣренностію Монаршею на него возлагались и другіе обязанности.

Такимъ образомъ, 10-го Апрѣля 1843 г. Николай Николаевичъ былъ назначенъ со стороны Военнаго Министерства, членомъ Высочайше учрежденнаго второстепеннаго Эмеритальнаго Комитета для составленія закона объ эмеритурѣ въ Имперіи; 11-го Мая 1846 г., по случаю кончины Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, на него было возложено, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, завѣдываніе Императорскою С.-Петербургскою Медико-Херургическою Академіею, надъ которой, по Высочайшему повелѣнію, 8-го Іюня того же года, онъ былъ назначенъ Попечителемъ, съ тѣмъ, чтобы имѣлъ высшій надзоръ за порядкомъ и внутреннимъ благоустройствомъ этого заведенія, на томъ же основаніи, на которомъ управлялъ Академіею Генералъ-Адъютантъ Веймарнъ 1-й; 10-го Февраля этого года, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ назначенъ членомъ Высочайше утвержденнаго, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга, Комитета для всевозможнаго изысканія средствъ къ уменьшенію переписки по военному вѣдомству, въ томъ числѣ и въ главныхъ штабахъ Арміи и корпусовъ; чрезъ пять недѣль, 16-го Ноября, по новому Высочайшему повелѣнію, на него возложено разсмотрѣть, общє съ Тайнымъ Совѣтникомъ Шереметьевымъ и Генералъ-Маіоромъ Игнатьевымъ, правила о взысканіи долговъ съ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ; и наконецъ, 29-го Декабря

того же года, снова по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденнаго Комитета о пересмотрѣ Устава о службѣ гражданской.

Рядъ слѣдующихъ наградъ ознаменовалъ этотъ періодъ службы Николая Николаевича: Высочайшимъ приказомъ 11-го Апрѣля 1843 г. ему было объявлено особенное Высочайшее благоволеніе «за примѣрно-ревностную службу и неусыпные труды» по званію директора канцеляріи имъ подъемлемые; 10-го Октября этого же года онъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й ст., въ ознаменованіе «особеннаго вниманія къ постоянно-ревностной службѣ, неусыпной дѣятельности и полезнымъ трудамъ его по управленію канцеляріею»; въ высокоторжественный день 6-го Декабря 1844 г. — онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и получилъ лестнѣйшую въ Россіи награду — назначеніе въ званіе Генералъ-Адъютанта къ Его Императорскому Величеству; 30-го Апрѣля 1845 г., «во вниманіе къ неусыпной отлично-полезной службѣ», Всемилостивѣйше прибавлено, къ пожалованнымъ въ 1841 г. арендным деньгамъ, по 1,500 р. сер. въ годъ, со времени окончанія срока, еще по 500 р. сер. ежегодно и, за тѣмъ, производство это продолжено еще на 6 лѣтъ; 7-го Апрѣля 1846 г. онъ Всемилостивѣйше награжденъ лентою Бѣлаго Орла — «во изъявленіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ постоянно дѣятельнымъ трудамъ и успѣшнымъ дѣйствіямъ по занимаемой имъ должности»; наконецъ, 21-го Апрѣля 1847 г. удостоился получить, при Высочайшемъ рескриптѣ, брилліантами украшенную табакерку, съ портретомъ Его Величества, во изъявленіе «Высочайшаго благоволенія за примѣрно-

усердную и полезную службу, неутомимые и благонамѣренные труды».

Кромѣ того, въ это время, за выслугу лѣтъ, онъ пожалованъ установленнымъ Знакомъ отличія безпорочной службы: 22-го Августа 1843 г.—за XX и 22-го Августа 1848 г. — за XXV лѣтъ.

3-го Ноября 1848 г. Анненковъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта.

Но дѣятельность Николая Николаевича не ограничивалась одними занятіями въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи Россіи. Довѣренность Монаршая продолжала постоянно возлагать на него и особыя порученія.—Такимъ образомъ, въ 1849 г., онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, 18-го Апрѣля, командированъ въ Шлиссельбургскую крѣпость для производства секретнаго слѣдованія, за окончаніе котораго удостоился Высочайшаго одобренія (1), а вслѣдъ за тѣмъ, 25-го Сентября, по новому Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ смѣшанной военно-судной коммисіи надъ лицами преданными военному суду по докладу особой слѣдственной коммисіи, а чрезъ три недѣли, Октября 10-го, опять по Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ Комитета для пересмотра установленій и учрежденій по части Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Наградою за его труды этого года было Всемилостивѣйшее пожалованіе, 5-го Декабря, супругу Николая

---

(1) Объявленнаго въ предписаніи Военнаго Министра отъ 19-го Іюня того же года.

Николаевича кавалерственною дамою ордена св. Екатерины 2-й степени меньшаго креста, сдѣланное Государынею Императрицею, съ соизволенія Незабвеннаго Монарха, *въ ознаменованіе*, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя Вѣры Ивановны, *особеннаго Высочайшаго къ ней благоволенія и вниманія къ службѣ Ея супруга.*

Въ слѣдующемъ году, Ноября 16-го, самому Николаю Николаевичу объявлено, чрезъ Военнаго Министра, Высочайшее благоволеніе «за вполнѣ соотвѣтствующее видамъ и непосредственнымъ указаніямъ Его Величества» исполненіе, возложеннаго на него Государемъ Императоромъ особаго порученія по составленію, предсѣдательствуемымъ имъ Комитетомъ, устава о гражданской службѣ по опредѣленію отъ правительства.

Вслѣдъ за тѣмъ, Высочайшимъ рескриптомъ 7-го Декабря этого года, возложено было на Анненкова обозрѣніе Западной Сибири, какъ по военно-сухопутному, такъ и по гражданскому управленію.

Въ этой командировкѣ Николай Николаевичъ провелъ ровно годъ и возвратился въ столицу 5-го Декабря 1851 года. Государь былъ вполнѣ доволенъ исполненіемъ имъ порученія и наградилъ его Александровскою лентою, при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

«Нашему *Генералъ-Адъютанту, Члену Государственнаго Совѣта, Генералъ-Лейтенанту Анненкову 2-му.*

«Возложивъ на васъ, по особенному Нашему къ вамъ довѣрію, обзоръ управленія Западной Сибири, Мы были увѣрены. что и въ семъ случаѣ вы явите то усердіе, коимъ всегда сопровождалось долговременное и примѣрно-ревностное служеніе ваше. Вы оправдали Наши ожи-

данія, и изъ представленныхъ вами Намъ бумагъ, Мы съ удовольствіемъ убѣдились въ добросовѣстномъ, отчетливомъ и вполнѣ удовлетворительномъ исполненіи возложеннаго на васъ важнаго порученія. Во изъявленіе искренней Нашей признательности за столь полезныя труды ваши, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ благосклонны.»

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

«С.-Петербургъ,
«Декабря 19-го дня 1851 года.»

Между тѣмъ, во время еще бытности въ Сибири, Мая 11-го, Всемилостивѣйше повелѣно пожалованныя ему, въ 1845 г., арендныя деньги, 2,000 р. сер. въ годъ, продолжить еще на 6 лѣтъ, т. е. по 29-е Мая 1851 года.

Въ 1852 году, по Высочайшему повелѣнію отъ 1-го Апрѣля, возложено было на Николая Николаевича, совмѣстно съ сенаторомъ Капгеромъ, систематическое исправленіе Военно-Уголовнаго Устава; въ 17-й день того же мѣсяца онъ Всемилостивѣйше назначенъ членомъ Сибирскаго Комитета; а въ слѣдующемъ году — новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 4-го Февраля, возложено на него, совмѣстно съ Генералъ-Адъютантомъ Игнатьевымъ и съ членами Комитета военной отчетности, строжайшее изслѣдованіе по важнымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ въ Комитетѣ, учрежденномъ 18-го Августа 1814 года и, за отличное исполненіе по этому изслѣдованію обязанностей,

онъ удостоенъ изъявленія благодарности Его Императорскаго Величества ([1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Апрѣля 5-го, объявлено ему, чрезъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи, совмѣстно съ членами этого департамента, въ усиленномъ его составѣ, особенное Монаршее благоволеніе «за успѣшное исполненіе обширнаго и важнаго труда по пересмотру годовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій.»

Въ это время наступали грозныя, но не безславныя для Отечества дни,—эпоха, подобная той, при которой Николай Николаевичъ началъ свою службу: тогда не удалось ему принять участіе въ защитѣ родной земли,—теперь же на него выпалъ жребій охраненія части предѣловъ Имперіи.

20-го Марта 1854 года Анненковъ былъ назначенъ исправляющимъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ, на время шести-мѣсячнаго отпуска Генерала-отъ-Инфантеріи Ѳедорова 1-го, который, чрезъ нѣсколько дней, 29-го того же мѣсяца, назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ состояніемъ по Арміи.

Одесса была первымъ городомъ св. Руси, долженствовавшимъ встрѣтить врага; грозный непріятельскій флотъ, изъ 31-го вымпела съ 1,900 орудій, расположился въ виду мирнаго города 9-го Апрѣля. На другой день, въ страстную субботу, въ ранній часъ утра, по стогнамъ

([1]) Въ отношеніи г. управлявшаго Военнымъ Министерствомъ, отъ 5-го Марта.

пронеслась коляска. Въ ней сидѣлъ генералъ. По выраженію лица, можно было замѣтить, что малѣйшія подробности на улицахъ занимали его. Это былъ Николай Николаевичъ, только что прибывшій изъ столицы. Онъ немедленно вступилъ въ управленіе Одессою и краемъ. Повсюдное присутствіе его и строгія мѣры и распоряженія, принятыя имъ въ самомъ разгарѣ смутной поры, имѣли благодѣтельное слѣдствіе и во многомъ содѣйствовали тому ходу внутренней жизни города, котораго, по истинѣ, никто изъ жителей не ожидалъ ([1]).

Вскорѣ началось бомбардированіе.

Анненковъ, — по словамъ донесенія графа Остенъ-Сакена,—*явившись къ этому генералу за часъ до начатія боя, принималъ особенное участіе въ ходѣ дѣла и, съ свойственною ему опытностію и распорядительностію, былъ* Графу Дмитрію Ерофеевичу *весьма полезенъ*. Сначала Николай Николаевичъ находился на бульварѣ, но во время самаго большаго усиленія огня противъ щеголевской батареи, заботливость о положеніи этой батареи и практической гавани, побудили его обратиться туда лично. Подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, сошелъ онъ съ бульвара по лѣстницѣ и пошелъ въ гавань, на которую тогда, словно изъ тучи, сыпались бомбы, ядра, картечь и конгревовы ракеты. Тутъ Николай Николаевичъ сдѣлалъ нужныя распоряженія на счетъ пароходовъ «Андія» и «Днѣстръ» и разной казенной собственности, тамъ находившейся, навѣстилъ, въ эту критическую минуту, Щеголева, одобрилъ, похвалилъ

([1]) *Зеленецкій*, — «Записки о бомбардированіи Одессы, 10-го Апрѣля 1854 г.» Одесса, 1855, стр. 36.

его стойкость и, узнавъ отъ него о недостаткѣ зарядовъ, отправилъ нарочнаго за ними [1].

Когда, послѣ взрыва пароховыхъ ящиковъ на щеголевской батареи, что было въ началѣ втораго часу, сдѣлалось боевое затишье, Анненковъ объѣхалъ городъ, чтобы лично осмотрѣть его состояніе и убѣдился въ исправномъ исполненіи предначертанныхъ мѣръ благочинія, а потомъ отправился на Пересыпь, гдѣ, какъ вскорѣ оказалось, ожидало его особое дѣло.

Въ два часа съ четвертью непріятель возобновилъ свои дѣйствія. Они начались почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, на нашемъ лѣвомъ и на правомъ флангахъ. По близкому нахожденію врага къ Пересыпи, предполагали съ нашей стороны возможность высадки на это предмѣстье. Николай Николаевичъ, съ согласія графа Остенъ-Сакена, принялъ на себя защиту этого крайняго лѣваго фланга нашихъ дѣйствій. Еще въ полдень два полудивизіона пѣшей артиллеріи, подъ прикрытіемъ пѣхоты и уланъ, были туда отправлены и расположились въ засадѣ. Анненковъ освѣдомился прежде всего обѣдали-ли нижніе чины? — и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, отправился по берегу, чтобы ближе осмотрѣть дѣйствія Англо-Французовъ. Тутъ, какой-то офицеръ подошелъ съ предостереженіями къ генералу: «ваше превосходительство! не худо, вмѣсто каски, надѣть солдатскую фуражку: непріятели могутъ завидѣть и пустить картечью». Въ отвѣтъ на это Николай Николаевичъ улыбнулся и пошелъ далѣе. Затѣмъ, сообразивъ, по числу баркасовъ, дѣйствовавшихъ въ заливѣ, число воз-

---

(1) Зеленецкій, стр. 62.

можнаго десанта и найдя, что онъ не можетъ превосходить нашихъ силъ на этомъ пунктѣ, Анненковъ, выбравъ лично мѣсто для главной батареи на Пересыпи, снабдилъ артиллерійскихъ офицеровъ приличнымъ наставленіемъ, какъ дѣйствовать, въ случаѣ если бы враги сдѣлали попытку высадиться на берегъ, и далъ при этомъ особую инструкцію и отрядному начальнику [1]. Извѣстно, что покушеніе на дессантъ дѣйствительно послѣдовало, но было успѣшно отражено.

Внутри города, какъ въ этотъ памятный день, такъ и послѣ, царствовали удивительная тишина и полная безопасность; такъ что, впослѣдствіи, когда кончилась смутная пора, консулы иностранныхъ державъ,—такъ какъ всего болѣе иностранцы опасались оскорбленій со стороны простаго народа и грабежей со стороны черни,—сочли долгомъ благодарить Николая Николаевича, за мѣры, принятыя въ городѣ къ охраненію всѣхъ вообще жителей какой бы націи и религіи они не принадлежали, адрессомъ слѣдующаго содержанія.

«Нижеподписавшіеся, генеральные консулы и консулы иностранныхъ державъ, пребывающіе въ Одессѣ, имѣвшіе честь, вмѣстѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ, поднести Его Высокопревосходительству Господину Командиру 3-го Пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Адъютанту Барону Остенъ-Сакену дань глубокой признательности, считаютъ долгомъ изъявить чувства равной благодарности Вашему Превосходительству и Его Превосходительству Господину Военному Губернатору Генералъ-Лейтенанту Крузенштерну за существенно-полезныя мѣры и отеческія заботы, коими Вы изволили оградить

---

[1] Зеленецкій, стр. 66—69.

въ дни опасности, семейства и имущества соотечественниковъ ихъ, поселившихся въ Одессѣ.

«Въ надеждѣ, что Ваше Превосходительство не отвергните выраженія одушевляющихъ ихъ чувствъ, нижеподписавшіеся пользуются этимъ случаемъ, дабы засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству особенное ихъ уваженіе.»

Подписали: *Чискини*, Австрійскій консулъ.

Берцолезе, Сардинскій генерал. консулъ.

Юнгъ, Нидерландскій консулъ.

Этлингеръ, Баварскій консулъ.

Багеръ и *Рибасъ*, Испанскій и Пармскій генеральн. консулы.

Нуньесъ-деи-Санъ-Секондо, Неаполитанскій и Римскій генеральные консулы.

Менгеръ, Прусскій консулъ.

Графъ Порро, Португальскій генеральный консулъ.

Наградами Николаю Николаевичу было, 11-го Іюня, предоставленіе, при исправленіи должности генералъ-губернатора, пользоваться по Бессарабской Области и части Херсонской Губерніи, находящейся на правомъ берегу р. Буга, правами командира отдѣльнаго корпуса, на основаніи Устава для управленія Арміями 5-го Декабря 1845 г., пока означенныя губернія и область будутъ состоять на военномъ положеніи; Всемилостивѣйшее назначеніе, 1-го Іюля, дочери его Елены во фрейлины къ Высочайшему Двору; и 12-го Августа объявленіе Монаршаго благоволенія «за отличіе» при отраженіи этого нападенія.

Между тѣмъ, по особому Высочайшему повелѣнію,

Анненкову поручено было командованіе особымъ отрядомъ, собранномъ при г. Николаевѣ, а 12-го Сентября, на случай высадки непріятельскихъ войскъ на Крымскіе берега, ему предоставлены, какъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской Губерніи, такъ и по восточной части этой губерніи, права командира отдѣльнаго корпуса, которыя уже были присвоены ему по Бессарабіи, Одесскому Градоначальству и западной части Херсонской Губерніи.

Наконецъ, Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30-го Января 1855 г, было возложено на Николая Николаевича особое порученіе въ губерніяхъ и мѣстахъ, объявленныхъ въ военномъ положеніи и состоящихъ въ раіонахъ, какъ Южной Арміи, такъ и войскъ на Крымскомъ--Полуостровѣ расположенныхъ, вслѣдствіе чего, на время исполненія означеннаго порученія, онъ освобожденъ отъ исправленія должности Новороссіискаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, а управленіе въ тамошнемъ краѣ губерніями, градоначальствами и Бессарабской Областью повелѣно установить согласно ст. 271. *Св.* Губернск. Учрежд. Т. 2. (изд. 1842 г).

По распоряженію Анненкова, продовольствіе войскъ, подвизавшихся въ Крыму, обезпечено доставкою изъ внутреннихъ губерній болѣе 500 тыс. четвертей хлѣба.

Это было послѣднее Высочайшее повелѣніе полученнаго Анненковымъ отъ Незабвеннаго Монарха, его Государя-Благодѣтеля. Чрезъ три недѣли Державнаго не стало, и 31-го Марта, по состоянію въ званіи Генералъ-Адъютанта, Николаю Николаевичу, отъ исполнителей духовнаго завѣщанія въ Бозѣ почившаго Государя, сообщена, въ выпискѣ изъ этаго духовнаго завѣщанія, совершеннаго 4-го Мая 1844 г.,—въ день Вознесенія,—

статья 23, въ которой изображено: «искренно благодарю всѣхъ бывшихъ при Мнѣ Гг. Генералъ-Адъютантовъ, Генераловъ Моей Свиты и Флигель-Адъютантовъ за вѣрную ихъ службу; прошу ихъ съ тою же любовію и преданностію служить Моему Сыну».

Нынѣ благополучно-царствующій Монархъ 29-го Марта 1855 г. Всемилостивѣйше повелѣлъ Николаю Николаевичу быть Новороссійскимъ и Бессарабскимъ Генералъ-Губернаторомъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи Генералъ-Адъютанта, и съ увольненіемъ отъ исполненія особаго порученія, которое возложено было на него въ губерніяхъ и мѣстахъ, объявленныхъ на военномъ положеніи и состоявшихъ въ районѣ Южной Арміи и войскъ на Крымскомъ Полуостровѣ расположенныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Апрѣля 9-го, Анненковъ отчисленъ отъ должности члена Комитета, Высочайше утвержденнаго во 2-й день Апрѣля 1848 года, а чрезъ недѣлю, Высочайшимъ указомъ 17-го Апрѣля, Всемилостивѣйше повелѣно ему быть Государственнымъ Контролеромъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи Генералъ-Адъютанта.

Въ священный день 26-го Августа 1856 г. «за постоянно-ревностную службу и неутомимые труды, понесенные во время минувшей войны 1853—1856 г. по управленію Новороссійскимъ Краемъ и Бессарабіею, и отличное исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей», Николаю Николаевичу Всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, и на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, въ тотъ же день, онъ получилъ

свѣтлую бронзовую медаль, на Андреевской лентѣ, въ память военныхъ событій 1853—1856 годовъ.

23-го Марта 1856 г., независимо отъ прежнихъ должностей, по Высочайшему повелѣнію, Анненковъ назначенъ Членомъ Комитета Финансовъ.

За послѣдній шестилѣтній періодъ службы, Всемилостивѣйшими наградами Николаю Николаевичу были: 17-го Апрѣля 1857 года—продолженіе пожалованныхъ въ 1851 году арендныхъ денегъ 2000 рублей сер. въ годъ, еще на 12 лѣтъ, т. е. по 29 Мая 1869 года; 1858 года Марта 23-го, назначеніе дочери его, Елизаветы, фрейлиною къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ; въ 1858 г. Апрѣля 17-го дня—производство, «за отличіе по службѣ, въ Генералы-отъ-Инфантеріи; объявленіе 11-го Февраля 1859 г. «совершенной Монаршей благодарности», какъ члену Комитета Финансовъ, за подробное и добросовѣстное разсмотрѣніе и удовлетворительное заключеніе смѣтъ по своду государственной росписи на 1859 г. (¹). Наконецъ, въ 1861 г., Всемилостивѣйшее пожалованіе орденомъ Св. Владиміра 1-й степени, при грамотѣ слѣдующаго содержанія:

«Нашему Генералъ-Адъютанту, Генералу-отъ-Инфантеріи, Государственному Контролеру, Николаю Анненкову 2-му.

«Долговременное служеніе ваше Престолу и Отечеству постоянно отличалось неутомимою дѣятельностію,

---

(¹) Увѣдомленіе Министра Финансовъ отъ 11-го Февраля 1859 г., № 662 о собственноручной надписи Государя Императора на всеподданнѣйшей запискѣ этого Министра, при которой былъ представленъ журналъ Комитета.

по исполненію возлагаемыхъ на васъ обязанностей и по управленію ввѣряемыми вамъ частями. Будучи призваны Нами къ настоящему званію вашему Государственнаго Контролера, вы вполнѣ оправдали довѣріе Наше къ испытанной опытности и неуклонному рвенію вашему къ истиннымъ пользамъ службы. Шести-лѣтнею неусыпною заботливостію вашею положены начала кореннымъ преобразованіямъ во ввѣренной вамъ важной отрасли Государственнаго Управленія, и при непосредственномъ просвѣщенномъ участіи вашемъ, приступлено съ полнымъ успѣхомъ, къ начертанію и введенію въ дѣйствіе новаго общаго порядка государственной нашей отчетности. Въ изъявленіе особенной Монаршей признательности за столь полезные труды и постоянныя отличныя заслуги ваши на поприщѣ военной и гражданской службы, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, съ мечами надъ орденомъ, коего знаки при семъ препровождая, Повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостью Нашею на всегда неизмѣнно благосклонны».

На подлинной Собственною Его Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Сверхъ того, въ это время Николай Николаевичъ пожалованъ Знакомъ отличія безпорочной службы, на перемѣну прежнихъ: 22-го Августа 1855г.—за XXX л. и 22-го Августа 1859 — за XXXV лѣтъ

Наконецъ, въ высокоторжественный день 6-го Декабря 1862 года, Генералъ Анненковъ Всемилостивѣйше

назначенъ Командующимъ войсками Кіевскаго Военнаго Округа и Кіевскимъ Военнымъ, Подольскимъ и Волынскимъ Генералъ-Губернаторомъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи Генералъ-Адъютанта.

Николай Николаевичъ женатъ на дочери Сенатора Тайнаго Совѣтника Вѣрѣ Ивановнѣ Бухариной, и имѣетъ дѣтей: сына Михаила, Поручика Гв. Генеральнаго Штаба, и дочерей Елену и Елизавету въ замужествѣ и дѣвицъ Марію и Александру.

Какъ современники, мы не вправѣ дѣлать сужденія о службѣ Государямъ и родинѣ достойнаго сановника, но увѣрены, что и изъ представленнаго нами правдиваго перечня его подвиговъ и дѣлъ можно заключать, что Исторія — на нелицемѣрныхъ скрижалахъ своихъ—сохранитъ имя Николая Николаевича Анненкова на память и поученіе потомству.

Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи

БАРОНЪ ЭДУАРДЪ АНДРЕЕВИЧЪ РАМЗАЙ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ

БАРОНЪ ЭДУАРДЪ АНДРЕЕВИЧЪ РАМЗАЙ.

(*Кавалеръ 4-го класс.*)

Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи Баронъ Эдуардъ Андреевичъ Рамзай, не имѣлъ случая заслужить дорогаго Георгіевскаго креста за отличія на полѣ битвы; но, безспорно, принадлежитъ къ числу достопамятнѣйшихъ кавалеровъ военнаго ордена. Первый, по времени основанія, стрѣлковый баталіонъ Русской арміи, одинъ изъ младшихъ баталіоновъ нашихъ войскъ, имъ переформированный и доведенный, въ самое короткое время, до блестящаго состоянія, въ его начальствованіе не только имѣлъ честь быть причисленнымъ къ Царскимъ тѣлохранителямъ, но отличными своими подвигами, запечатлѣнными кровью командира, заслужилъ Георгіевскій стягъ, носивъ только всего два года обыкновенное знамя. Кромѣ того, имя Генерала Рамзая не-

2

разрывно связано съ образованіемъ у насъ стрѣлковыхъ войскъ, имѣющихъ столь огромное значеніе въ современномъ военномъ устройствѣ.

Баронъ Эдуардъ Андреевичъ, происходя изъ дворянъ древней Шотландской фамиліи, есть сынъ Копіоскаго ландсгевдинга (губернатора) Великаго Княжества Финляндскаго, родился въ 1799 г.; воспитаніе получилъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ, изъ камеръ-пажей котораго выпущенъ 22-го Марта 1818 года, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, прапорщикомъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій Полкъ. Россія тогда находилась въ мирѣ со всѣми сосѣдями, и молодой офицеръ посвящалъ время обыкновеннымъ служебнымъ занатіямъ и дальнѣйшему своему образованію. По линіи, онъ получилъ чины: подпоручика — 6-го Декабря 1819 г., поручика — 20-го Февраля 1821 г., штабсъ-капитана — 29-го Апрѣля 1823 г. и капитана — 29-го Марта 1825 г., и въ тоже время удостоился двухъ единовременныхъ Всемилостивѣйшихъ денежныхъ наградъ: 7-го Августа 1821 г. — пятисотъ рублей и 11-го Мая 1825 — семисотъ рублей.

14-го Декабря послѣдняго года, въ горестный для истинно-любящихъ св. Русь день, Рамзай находился на Исакіевской Площади въ рядахъ защитниковъ Царя и Отечества; а 8-го Октября слѣдующаго года снова Всемилостивѣйше награжденъ единовременною выдачею восьми сотъ рублей.

1827 годъ былъ эпохою въ жизни Рамзая: 4-го Іюля этого года онъ назначенъ командиромъ *Финскаго Учебнаго Батаіона*, съ оставленіемъ въ Л.-Гв. Преображенскомъ Полку. Къ баталіону онъ прибылъ 20-го Августа; а между тѣмъ, 10-го числа этого мѣсяца «за отлично-

усердную и ревностную службу» — былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи этого баталіона, трудами Рамзая доведеннаго до совершенства во всѣхъ отношеніяхъ и, въ свою очередь, славною службою въ мирное и въ бранное время, прославившаго командира.

Въ великую годину нашей славы, въ двенадцатомъ году, въ дни занятія врагомъ древней столицы, изъ уроженцевъ Финляндіи, едва только присоединенной къ Имперіи, было сформировано три *Финляндскіе полка*, на правахъ, присвоенныхъ Великому Княжеству. Въ 1818 году изъ однаго баталіона 3-го полка, съ укомплектованіемъ офицерами изъ остальныхъ полковъ, былъ сформированъ *Гельсингфорскій Учебный Баталіонъ*. Въ 1826 г. Финляндскіе полки преобразованы въ шесть *Финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ*, а Гельсингфорскій наименованъ *Финскимъ Учебнымъ Стрѣлковымъ*.

Императоръ Николай желалъ видѣть этотъ послѣдній баталіонъ образцовымъ для тѣхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, которые предполагалъ сформировать, и Рамзай исполнилъ волю Государя въ самомъ непродолжительномъ времени. Первые труды Эдуарда Андреевича уже обратили на себя Монаршее вниманіе и 8-го Ноября 1828 г. онъ произведенъ въ полковники, съ оставленіемъ въ томъ же полку и должности.

15-го Іюля 1829 года Эдуардъ Андреевичъ имѣлъ счастіе представить въ первый разъ Государю Императору баталіонъ, который Всемилостивѣйше найденъ соотвѣтствовавшимъ совершенно ожиданіямъ Его Величества.

При этомъ баталіонъ былъ возведенъ въ достоинство молодой Гвардіи, съ наименованіемъ *Лейбъ-Гвардіи Фин-*

скій Стрѣлковый Баталіонъ (*), а Эдуардъ Андреевичъ переведенъ изъ Л.-Гв. Преображенскаго Полка въ этотъ баталіонъ и утвержденъ его командиромъ. При этомъ онъ удостоился получить особенную Высочайшую благодарность. Вслѣдъ за тѣмъ, ему была объявлена еще два раза Монаршая благодарность, 26-го и 28-го Августа, также за Высочайшіе смотры баталіона.

4-го Сентября этаго памятнаго года баталіону Всемилостивѣйше пожаловано знамя, за освященіе котораго, въ присутствіи Государя Императора, Рамзаю равномѣрно объявлено новое Высочайшее благоволеніе.

«Если неисповѣдимыя судьбы призовутъ насъ, когда либо, за благо отечества, на кровавыя поля войны, то да возможешь ты, прекрасное знамя, произвести въ рядахъ непріятеля такой же ужасъ, какой всегда распространяли въ нихъ побѣдоносныя Русскія знамена».—Такъ пророчески говоритъ при этомъ торжествѣ баталіонный пасторъ Ингманъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ баталіонъ блистательно доказалъ, что онъ былъ достоинъ милостей Царскихъ, а пасторъ пожертвовалъ своею жизнію, вѣрно исполняя священную свою обязанность.

22-го того же Сентября баталіонъ учавствовалъ въ парадѣ, знаменитомъ торжествѣ, великомъ и умилительномъ, котораго память сохранится въ грядущихъ вѣкахъ, — по случаю празднованія заключенія Адріанопольскаго мира, — и Рамзай, на равнѣ со всѣми начальниками, *за отличный порядокъ и устройство*, въ которомъ войска были найдены, удостоился въ пятый разъ въ теченіи года Высочайшаго благоволенія.

(*) По Хроникѣ Россійской Императорской Арміи, ч. I, 135 стр., переименованіе баталіону послѣдовало 16-го числа.

Наконецъ, въ этомъ же году, Эдуардъ Андреевичъ, «за отлично усердную и ревностную службу», награжденъ годовымъ, не въ зачетъ, жалованьемъ.

Лѣто 1830 г. баталіонъ провелъ снова въ лагерѣ, вмѣстѣ съ Гвардіею, и Рамзай опять получилъ четыре Высочайшія благоволенія: 5, 7, 16 и 18 Іюля — за смотры, ученья и маневры, произведенные въ Высочайшемъ присутствіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, баталіонъ имѣлъ счастіе видѣть Монарха въ стѣнахъ роднаго своего города. Въ 11 часовъ ночи вѣчнопамятнаго для Финляндіи дня, 1-го Августа 1830 г., Императоръ и Великій Князь въѣхалъ въ Гельсингфорсъ. У генералъ-губернаторскаго дома, назначеннаго для пребыванія Монарха, ожидалъ почетный караулъ отъ Финскихъ стрѣлковъ его Гвардіи; но Государь, — по своему обыкновенію, — тотчасъ отпустилъ стражу (¹).

На другой день баталіонъ имѣлъ счастіе предстать на Высочайшій смотръ и былъ Всемилостивѣйше найденъ *въ отличномъ состояніи*, за что Рамзай, вмѣстѣ со всѣми штабъ и оберъ-офицерами, удостоился Высочайшаго благоволенія, а нижнимъ чинамъ, въ строю бывшимъ, пожаловано по рублю, по фунту рыбы и по чаркѣ вина на человѣка (²).

Въ тотъ же день Государь, при осмотрѣ казармъ и госпиталя баталіона — изволилъ найдти ихъ *въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ*, за что и объявилъ командиру новое благоволеніе (³).

(¹) «Русскій Инвалидъ» 1830 г. № 199. «Сѣверная Пчела» 1830 г. № 94.
(²) Высочайшій приказъ, отданный Августа 1-го дня 1830 г.
(³) Тамъ же.

Тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ, которымъ выражены эти Монаршія благоволенія, Рамзай Всемилостивѣйше назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, съ оставленіемъ при прежней должности (1).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, съ 13-го по 25-е Сентября, по распоряженію бывшаго Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Командира Отдѣльнаго Финляндскаго Корпуса Генералъ-Адъютанта графа Закревскаго, послѣдовавшему по Высочайшему повелѣнію, Эдуардъ Андреевичъ провелъ въ командировкѣ для доведенія по фронтовой части и указанія средствъ къ лучшему обмундированію 1-го баталіона 46-го Егерскаго Полка, расположеннаго тогда въ городѣ Або.

Вскорѣ наступила славная эпоха для баталіона. Въ Декабрѣ 1830 г. Финны выступили въ походъ въ Польшу, карать мятежъ и измѣну. По переправѣ 6-го Марта у Ковно, чрезъ Нѣманъ, за границу въ Царство, въ составѣ войскъ Гвардейскаго Корпуса, Рамзай съ баталіономъ слѣдовалъ до Ломзы, гдѣ корпусъ, совершившій дальній и быстрый походъ въ весеннѣе время, а потому нуждавшійся въ отдохновеніи, расположился на кантониръ-квартирахъ. Но вскорѣ баталіонъ былъ назначенъ въ авангардъ корпуса и для этого выдвинутъ къ находящемуся между Ломжею и Остроленкою мѣстечку Мястково. Находясь въ авангардѣ, роты баталіона были командированы нѣсколько разъ въ передовой отрядъ графа Остенъ-Сакена и тогда, посылаемые для поимокъ непріятеля, Финскіе стрѣлки имѣли случай доказать преимущества своего оружія и покрыли себя первою славою. Изъ мѣстечка Мястково

(1) Тамъ же.

баталіонъ выступилъ 7-го Апрѣля въ мѣстечко Вышково, въ составѣ отряда, назначеннаго для охраненія береговъ рѣки Буга; потомъ съ 15-го по 20-е, въ мѣстечко Нуры, а съ 20-го по 29-е провелъ подъ Остроленкою.

Мая 4-го — день памятный для Гвардіи и особенно для баталіона, мятежники, перешли рѣку Бугъ, въ числѣ 20,000 человѣкъ, подъ личнымъ предводительствомъ своего главнокомандовавшаго Скржинецкаго, — и атаковали со всѣхъ сторонъ передовой отрядъ нашего авангарда, въ намѣреніи отрѣзать и уничтожить его. Но эти намѣренія, не смотря на силы непріятельскія, превосходившія насъ вчетверо, были уничтожены мѣткими выстрѣлами Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго Баталіона и блистательною храбростію Л.-Гв. Егерскаго (нынѣ Гатчинскій) Полка. Рамзай прибылъ на подкрѣпленіе отступавшаго отъ Пржетицъ отряда подъ дер. Янкѣ, гдѣ, разсыпавъ стрѣлковъ между егерями, принялъ начальство надъ всею цѣпью и резервами, и, подъ сильнымъ непріятельскимъ картечнымъ огнемъ, удерживалъ не малое время мятежниковъ, стрѣмившихся приблизиться чрезъ ручей. Но вскорѣ рана непріятельскою пулею заставила его удалиться съ поля битвы. За оказанное мужество и распорядительность въ этотъ день, въ которомъ баталіонъ былъ первый разъ въ полномъ составѣ въ дѣлѣ — гдѣ, такъ сказать, получилъ крещеніе въ боевомъ огнѣ, Эдуардъ Андреевичъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Рана, отъ которой онъ лечился въ Бѣлостокѣ съ 7-го Мая по 11-е Іюня, препятствовала самому Рамзаю водить баталіонъ въ дальнѣйшие битвы этой кампаніи, и учавствовать непосредственно въ славныхъ подвигахъ храбрыхъ Финляндцевъ. Но когда графъ Эриванскій началъ

вторую кампанію, доставившую ему титулъ князя Варшавскаго, Эдуардъ Андреевичъ находился уже во главѣ баталіона.

Съ 20-го Іюня по 5-е Іюля, онъ учавствовалъ въ движеніи Главной Арміи отъ Пултуска чрезъ Плоцкъ на нижнюю Вислу къ Осьеку; съ 15-го по 22-е отъ переправы на Нижней Вислѣ къ Ловичу, а Августа съ 3-го по 7-е — отъ этого города въ окрестности Варшавы.

Въ знаменитые дни паденія буйной столицы Польши къ стопамъ Незабвеннаго Самодержца, — 25-го и 26-го Августа, Рамзай участвовалъ въ генеральномъ сраженіи и при взятіи отрядомъ генерала Муравьева приступомъ передовыхъ укрѣпленій и городоваго вала, и за отличное мужество и храбрость, при этомъ оказанныя, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени Императорскою Короною украшеннымъ и установленною медалью.

Вообще же за оказанныя заслуги въ продолженіи военныхъ дѣйствій, Эдуардъ Андреевичъ, на равнѣ со всѣми, награжденъ Польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства 3-й степени, и получилъ при выступленіи въ походъ — полугодовой, а при возвращеніи — годовой оклады жалованья, не въ зачетъ.

19-го Ноября баталіонъ прибылъ на кантониръ-квартиры Ковенской Губерніи въ городъ Биржи, а въ Мартѣ 1832 года, возвратился на постоянные свои квартиры, въ г. Гельсингфорсъ.

Между тѣмъ, въ высокоторжественный день 6-го Декабря 1831 года, баталіону Всемилостивѣйше пожаловано Георгіевское знамя, съ надписью «За усмиреніе Польши въ 1831 году», которое было доставлено въ Гельсингфорсъ въ началѣ Февраля 1833 года.

Считаемъ вполнѣ приличнымъ, по цѣли нашего изда-

нія, привести здѣсь подробности торжества, сопровождавшаго принятіе баталіономъ этого знака Царской милости.

Для торжества назначенъ былъ день 8-го Февраля 1833 года. Наканунѣ, вечеромъ, начальникъ дивизіи, Генералъ Петерсенъ, многіе штабъ-офицеры расположенныхъ въ городѣ Гельсингфорсѣ и въ крѣпости войскъ, офицеры и отличнѣйшіе изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ стрѣлковаго баталіона собрались у Рамзая, для прибитія знамени къ древку, по установленію.

На утро, въ девять часовъ, баталіонъ выстроился на Сенатской площади; принесенъ дорогой стягъ, и баталіонный аудиторъ прочиталъ Высочайшій Рескриптъ и извлеченіе изъ Воинскаго Устава объ обязанностяхъ къ знамени. Баталіонъ построился въ карре, среди котораго баталіоннымъ проповѣдникомъ Мелартомъ отправлена божественная служба, въ присутствіи тогдашняго Статсъ-Секретаря Княжества, графа Ребиндера, высшихъ военныхъ чиновъ и многочисленнаго собранія военнослужащихъ. Моленія благочестивыхъ воиновъ торжественно возносились къ Престолу Всевышняго. По принесеніи искренней молитвы, въ которой принималъ участіе и сонмъ предстоявшихъ зрителей, проповѣдникъ, въ краткихъ словахъ, выразилъ живѣйшую благодарность, которою были преисполнены къ Государю Императору, за новый знакъ Монаршей милости, не только стрѣлковый баталіонъ, но и всѣ жители Финляндіи; потомъ, именемъ Святыя Троицы, благословилъ знамя и вручилъ его баталіонному командиру, который, по учиненіи баталіономъ присяги, передалъ стягъ портупей-прапорщику. Троекратное ура! стрѣлковъ привѣтствовало новый залогъ благоволенія возлюбленнаго Государя, когда знамя

проносили по рядамъ. Баталіонъ прошелъ потомъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Генералъ-Лейтенанта Петерсена, и когда сомкнулся въ колонну, Рамзай обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Храбрые товарищи! Ваше мужество и постоянная ревность снискали вамъ драгоцѣннѣйшій знакъ Монаршей милости. Это знамя въ рядахъ вашихъ будетъ, и современникамъ и потомкамъ, свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. *Раздѣлявъ съ вами труды и воинскія дѣла*, я имѣю еще удовольствіе участвовать и въ почести, вами заслуженной. Съ живѣйшимъ чувствомъ увѣнчанныхъ надеждъ, поздравляю васъ съ почетною наградою, коей вы удостоились по особенному благоволенію Государя Императора. Это знамя, коимъ вы и всѣ Финляндцы должны гордиться, и въ будущія времена да одушевляетъ сыновъ Финляндіи къ исполненію священнѣйшихъ гражданскихъ доблестей: любви къ долгу и чести, вѣрности къ Государю и Отечеству.»

Баталіонъ отвѣчалъ на такое воззваніе многократнымъ восклицаніемъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» отозвавшимся во всѣхъ сердцахъ. На всѣхъ лицахъ выражалось умиленіе. Въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Финляндіи день этотъ пребудетъ торжественнымъ днемъ для позднѣйшихъ потомковъ.

Эдуардъ Андреевичъ пригласилъ къ завтраку всѣхъ офицеровъ и георгіевскихъ кавалеровъ изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ бывшихъ въ строю войскъ. Во время трапезы, Генералъ-Лейтенантъ Петерсенъ предложилъ тостъ за здравіе Его Величества Государя Императора и всей Августѣйшей Императорской Фамиліи, который былъ принятъ со всеобщимъ восторгомъ. Второй тостъ, за здравіе тогдашняго Командира Гвардейскаго

Корпуса, въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Павловича и всѣхъ присутствовавшихъ георгіевскихъ кавалеровъ, провозглашенъ былъ Рамзаемъ и повторенъ всѣми съ живѣйшимъ участіемъ.

Въ тотъ же день, общество офицеровъ съ своимъ баталіоннымъ командиромъ дало въ квартирѣ послѣдняго балъ, который отличался господствовавшимъ на немъ изящетвомъ и порядкомъ. Одинъ конецъ залы былъ украшался пожалованнымъ знаменемъ, а напротивъ его устроены были военные трофеи. Подъѣздъ и лѣстница освѣщались факелами, вставленными въ ружья и образовали огненную галерею до входа въ залу. День, начатый благочестіемъ, оконченъ въ веселіи.

Тотчасъ послѣ бранныхъ тревогъ, началось дѣятельное участіе Рамзая по образованіи нашихъ стрѣлковыхъ войскъ, уже не въ тѣсной рамкѣ одного баталіона, но постепенно расширяясь, по мѣрѣ развитія этой отрасли военныхъ силъ.

Еще во время нахожденія баталіона на кантониръ-квартирахъ въ Ковенской губерніи, и слѣдованія оттуда въ г. Гельсингфорсъ, Эдуардъ Андреевичъ съ 23-го Января по 11-е Іюля 1832 года провелъ, по Высочайшему повелѣнію, въ командировкѣ въ Берлинѣ, для снятія образца вооруженія Прусскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и съ повелѣніемъ вникнуть въ правила, принятыя для ихъ образованія. При этомъ онъ удостоился получить знакъ Королевско-Прусскаго ордена св. Іоанна, а отъ Государя Императора, *за отличное исполненіе порученія* было объявлено ему, 14-го Августа, Высочайшее благоволеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ, Эдуардъ Андреевичъ назначенъ, по Высочайшей волѣ, присутствовать въ Комитетѣ объ улучшеніи штуцеровъ и ружей, а съ 19-го Октября, по

новому Высочайшему повелѣнію, присутствовалъ въ Комитетѣ для исправленія и пополненія, въ чемъ окажется нужнымъ, положенія о 1-мъ Финскомъ Флотскомъ Экипажѣ, надъ которымъ, по Монаршей волѣ, 22-го Ноября, принялъ начальство, на правахъ бригаднаго командира по строевой части. Въ этомъ комитетѣ Эдуардъ Андреевичъ находился по 10-е Января слѣдующаго года.

Съ 15-го числа послѣдняго мѣсяца по 3-е Февраля, Рамзай находился, опять по Высочайшему повелѣнію, въ Новгородской Губерніи для выбора 100 человѣкъ военныхъ кантонистовъ, для приготовленія въ артиллерійскіе стрѣлки и потомъ принялъ начальство и надъ ними. Эта команда, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 7-го Января 1834 г., предположенія о сформированіи Гренадерскаго Стрѣлковаго Баталіона, вошла въ составъ этого баталіона, надъ которымъ Рамзай также принялъ начальство 15-го Марта послѣдняго года—и «за успѣшное сформированіе его и скорое доведеніе по всѣмъ частямъ до надлежащаго устройства», удостоился, 7-го Іюня 1836 г., *особеннаго* Высочайшаго благоволенія. Въ 1837 г., на основаніи положенія Высочайше утвержденнаго 16-го Іюля, Гренадерскій Стрѣлковый Баталіонъ присоединенъ къ своему корпусу, а на мѣсто 1-го Стрѣлковаго Баталіона, поступившаго въ составъ кавказскихъ войскъ, съ наименованіемъ Кавказскій Стрѣлковый Баталіонъ,—Рамзаю поручено сформировать другой 1-й Стрѣлковый Баталіонъ.

Наградою Эдуарду Андреевичу за этотъ періодъ его службы былъ чинъ генералъ-маіора, въ который онъ произведенъ, *за отличіе*, 6-го Декабря 1836 года, и звѣзда св. Станислава 2-й степени, полученная за

два года предъ тѣмъ ([1]), при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

«*Нашему Полковнику и Флигель-Адъютанту, Командиру Финскаго Стрѣлковаго Баталіона Рамзаю.*

«Въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы вашей, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ *Императорскаго и Царскаго ордена Нашего св. Станислава второй степени*, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны».

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

«С.-Петербургъ,
31-го Декабря 1834 г.»

Кромѣ того, въ эти пять лѣтъ, за смотры, маневры, тревоги, ученья и парады, произведенные въ Высочайшемъ присутствіи, Эдуардъ Андреевичъ удостоился, какъ командиръ Лейбъ-Гвардіи Финскаго Стрѣлковаго Баталіона — 25, и какъ командовавшій Сводным Стрѣлковымъ Полкомъ, составленнымъ изъ Лейбъ-Гвардіи Финскаго и Гренадерскаго Стрѣлковыхъ Баталіоновъ— 4 Монаршихъ благоволеній, объявленныхъ въ дополненіяхъ къ Высочайшимъ приказамъ ([2]).

([1]) Въ формулярѣ, которымъ мы пользовались, неправильно сказано, что этотъ орденъ Всемилостивѣйше пожалованъ Рамзаю 1-го Января 1835 г.

([2]) *Первые:* 1833 г. 30 Мая, 9, 15 и 17 Іюня, 13, 23 и 29 Іюля.
1834 — 5, 4, 19 Іюня, 16, 18, 23, 30 Іюля, 30 Августа и 4 Сентября.
1835 — 11 и 17 Іюня.
1836 — 7 Іюня.
1837 — 3, 16, 23 Іюня, 15, 23 и 29 Іюля.
Вторые: 1836 — 16 Іюня, 16, 28 Іюля и 1 Августа.

8-го Февраля 1834 г. Эдуардъ Андреевичъ награжденъ Знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

9-го Марта (¹) 1838 г. Эдуардъ Андреевичъ назначенъ Инспекторомъ Стрѣлковыхъ Баталіоновъ, вслѣдствіе чего былъ исключенъ 27-го Марта изъ Лейбъ-Гвардіи Финскаго Стрѣлковаго Баталіона, но чрезъ три недѣли, 15-го Апрѣля, Всемилостивѣйше повелѣно вновь зачислить его въ списки этого Баталіона, за скорую сдачу котораго въ исправности онъ удостоился Высочайшаго благоволенія, объявленнаго 26-го числа послѣдняго мѣсяца.

По мѣрѣ сформированія стрѣлковыхъ баталіоновъ, Эдуардъ Андреевичъ вступалъ постепенно въ начальствованіе: въ 1839 г. — 1-мъ Стрѣлковымъ, въ 1842 — 2-мъ и 3-мъ, въ 1845 — 4-мъ, въ 1847 — 5-мъ, въ 1849 — 6-мъ и въ 1850 — Гренадерскимъ и Резервнымъ, и удостоился получить Всемилостивѣйшія благоволенія: 7-го Іюня 1845 г. за успѣшное и вполнѣ удовлетворительное сформированіе 4-го, 5-го Іюня 1847 — 5-го, 7-го Іюля 1850 — Гренадерскаго (бывшаго Финскаго) и Резервнаго баталіоновъ, при чемъ объявлено, что *основательнымъ образованіемъ* двухъ послѣднихъ Его Величество остался *совершенно довольнымъ*.

Кромѣ того, онъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 11-го Іюня 1849 г., за смотръ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 6-го Стрѣлковаго Баталіона, найденнаго Его Императорскимъ Высочествомъ въ отличномъ состояніи.

(¹) Въ формулярѣ не вѣрно показано, что назначеніе послѣдовавшее 10-го Марта.

Независимо отъ прямыхъ обязанностей, Эдуардъ Андреевичъ, 4-го Марта 1848 г., Всемилостивѣйше былъ назначенъ предсѣдателемъ Верховнаго Военнаго Суда Финскихъ Войскъ; съ 1-го по 9-е Апрѣля 1851 г. присутствовалъ въ Комитетѣ, для окончательнаго составленія предположенія о комплектованіи лѣсной стражи безсрочно-отпускными нижними чинами изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и пополненія этихъ послѣднихъ кантонистами помянутой стражи и питомцами Воспитательныхъ Домовъ; а 24-го Сентября 1848 г, по распоряженію Финляндскаго генералъ-губернатора и командовавщаго войсками въ Финляндіи расположенными, былъ назначенъ членомъ Коммисіи для разсмотрѣнія правъ воинскихъ чиновъ на полученіе Знака отличія безпорочной службы, учрежденнаго для Великаго Княжества.

Сверхъ того, въ 1847 г. Эдуардъ Андреевичъ содѣйствовалъ при введеніи у насъ новаго снаряда зажигательныхъ ракетъ Датскаго Оберъ-Кригсъ-Коммисара Фоса, и правильному его употребленію, за что, 15-го Мая того же года, было объявлено ему Высочайшее благоволеніе.

Кромѣ этихъ Высочайшихъ назначеній и благоволеній, Государь изъявлялъ Свое Монаршее вниманіе къ *отличной и ревностной службѣ* Рамзая въ этотъ періодъ времени, Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ: 19-го Іюля 1839 г. аренды на 12 лѣтъ, вмѣсто которой, Высочайшимъ указомъ, на имя Министра Финансовъ даннымъ, повелѣно производить ему съ 1845 г. въ теченіи 12-ти лѣтъ, по 1,200 р. сер. ежегодно, и лентами: 11-го Іюня 1842 г. — ордена св. Станислава 1-й степени, а 6-го Апрѣля 1846 — ордена св. Анны 1-й степени.

Въ 1847 г. Марта 23-го, за отличіе по службѣ, Эду-

ардъ Андреевичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ той же должности, а чрезъ три года, награжденъ крестомъ св. Владиміра 2-й степени, при слѣдующей Высочайшей грамотѣ [1]:

«*Инспектору Стрѣлковыхъ Баталіоновъ, Нашему Генералъ-Лейтенанту Рамзаю.*

«Обращая Монаршее вниманіе на ревностную службу *вашу*, ознаменованную существенно полезными трудами, и желая изъявить особенное *Наше* къ вамъ благоволеніе за отличное устройство формировавшихся подъ ближайшимъ наблюденіемъ вашимъ Стрѣлковыхъ Баталіоновъ, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.»

На подлинной Собственною рукою Его Императорскаго Величества подписано:

«НИКОЛАЙ.»

«С.Петербургъ
15-го Февраля 1850 года».

Кромѣ того, Эдуардъ Андреевичъ награжденъ за безпорочную выслугу установленныхъ лѣтъ: 4-го Декабря 1843 г. — крестомъ св. Георгія 4-й степени, и знаками отличія безпорочной службы: въ 1839 г. — за XX, въ 1844 — за XXV, въ 1848 — за XXX, и въ 1853 — за XXXV лѣтъ.

Въ то же время за смотры, маневры, тревоги, ученья и парады, въ присутствіи Государя Императора, стрѣлковыхъ баталіоновъ, онъ удостоился получить 110 Мо-

---

[1] Въ формулярѣ не точно сказано, будто эта Царская милость пожалована «за отлично-усердную и ревностную службу».

нарішихъ благоволеній, объявленныхъ въ Высочайшихъ приказахъ (*).

29-го Іюня 1842 г., Король Прусскій, въ знакъ особеннаго благоволенія, пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 2-й степени со звѣздою.

Въ это же время, съ 1848 по 1855 г., Эдуардъ Андреевичъ, по выборамъ дворянства, состоялъ членомъ Дирекціи Финляндскаго Рыцарскаго Дома.

Когда наступила тяжкая, но не безславная для Россіи година: — началась великая брань «за Вѣру и Царя», Рамзаю и столь близкимъ ему Финскимъ стрѣлкамъ выпала доля первымъ встрѣтить непріязненныя дѣйствія противъ родныхъ имъ береговъ, — говоримъ о мужественной встрѣчѣ Абовскимъ и Поіоскимъ отрядами, находившимися подъ начальствомъ Эдуарда Андреевича, непріятельскихъ судовъ предъ г. Экнесомъ и отраженіи

(*) 1839 г. 8, 14, 23 Іюня, 15, 27 Іюля, 4 и 7 Августа.
1840 — 23 Іюня, 3, 17, 25 и 28 Іюля.
1841 — 8, 17, 27 Іюня, 9, 23, 25 Іюля, 2 и 7 Августа.
1842 — 5, 9, 16, 27, 28 Іюня, 17 Іюля и 2 Августа.
1843 — 8, 16 Іюня, 6, 12 Іюля, 5 и 19 Августа.
1844 — 21, 27 Іюня, 7 и 8 Августа.
1845 — 7, 15 Іюня, 7, 13, 14, 17 Іюля, 4 и 9 Августа.
1846 — 6, 18 Іюня, 8, 17 Іюля и 10 Августа.
1847 — 5, 19, 27 Іюня, 13, 17, 19, 26 Іюля, 5 и 9 Августа.
1848 — 5, 19 Іюня, 3, 4, 11 и 15 Августа.
1849 — 3 Іюля.
1850 — 7, 19 Іюня, 7, 24, 26 Іюля, 6 и 10 Августа.
1851 — 7 Марта, 13, 19 Іюля, 14, 19 и 21 Іюля, 5 и 10 Августа.
1852 — 13, 19, 24 Іюля, 17, 19, 23 Іюля, 8 и 12 Августа.
1853 — 9 и 20 Іюня, 4, 9, 21, 25 и 30 Іюля, 12 Августт и 4 Сентября.
1854 — 3 Марта, 7 Апрѣля, 15 Іюля, 23 Августа и 19 Сентября.
1855 — 27 Ноября.
1856 — 11 и 12 Марта, 16 Іюня, 10 Іюля, 17 и 20 Августа.

этими отрядами при Витсандѣ врага съ урономъ. Подробности этихъ дѣлъ были слѣдующія.

Получивъ 6-го Мая 1854 г., вечеромъ, посредствомъ телеграфа и лоцмановъ, извѣстіе о движеніи трехъ непріятельскихъ судовъ вверхъ по Поіоскому заливу, Эдуардъ Андреевичъ немедленно принялъ мѣры для наблюденія за ними. Съ этою цѣлью, между прочимъ, полувзводъ (50 человѣкъ), изъ Гренадерскаго Финскаго Стрѣлковаго Баталіона былъ выставленъ противу того мѣста, гдѣ помянутый заливъ, на высотѣ станціи Лапвикъ, наиболѣе съуживается.

7-го числа, въ 4-мъ часу пополудни, два непріятельскіе парохода, изъ которыхъ одинъ конструкціи шхуны, а другой винтовый фрегатъ, подошли, совершенно ощупью, къ этому мѣсту, имѣя впереди 16-ти-весельный баркасъ, для промѣра, почти на каждомъ шагу, глубины фарватера.

Молодой офицеръ стрѣлковаго баталіона Подпоручикъ *Гюллингъ*, начальству котораго ввѣренъ былъ этотъ наблюдательный постъ, искусно пользуясь мѣстностію лѣсистаго берега, такъ хорошо скрылъ своихъ стрѣлковъ, что имъ удалось встрѣтить передній баркасъ мѣткими выстрѣлами, на разстояніи около 300 шаговъ. При этомъ первый выстрѣлъ,— первый въ эту войну въ Финляндіи и притомъ первый Финскаго Стрѣлковаго Гренадерскаго Баталіона — былъ произведенъ стрѣлкомъ № 1-го первой роты *Кулою* (*), съ такою мѣткостью, что два весла упали въ воду и два гребца были ранены. Затѣмъ и остальные люди отдѣленія открыли столь сильную стрѣльбу по баркасу и по двумъ Англійскимъ четырехъ-

(*) По шведски — пуля.

весельнымъ лодкамъ, что они съ большимъ трудомъ добрались до своихъ судовъ и, какъ ясно было видно, баркасъ только съ двумя гребцами. а лодки, каждая съ однимъ.

Стрѣлки, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, продолжали, на разстояніи не менѣе 700 шаговъ, огонь по непріятельскимъ судамъ; они подстрѣливали одинъ за другимъ, матросовъ, находившихся на вантахъ и реяхъ фрегата, и большая часть изъ Англичанъ скорѣе валилась внизъ, нежели взбирались на верхъ: около 10 человѣкъ на каждомъ суднѣ были при этомъ поражены Финскими пулями. Непріятель, отвѣчая на стрѣлковый огонь ядрами огромнаго калибра, шрапнелевыми гранатами и картечью, медленно продолжалъ свое движеніе до береговой батареи. устроенной противу узкой части пролива Витсанда у Гулль-э, гдѣ подъ вечеръ и остановился, на дальнемъ разстояніи пушечнаго выстрѣла.

Вообще въ этотъ день Англичане поплатились за свое дерзкое покушеніе на Экнесъ кровью почти 50 человѣкъ, и хотя неизвѣстно, сколько изъ этого числа было ранено опасно, однако должно предполагать, что Англичане будутъ помнить $^{7}/_{19}$ Мая 1854 г. Изъ нашихъ почти всѣ уцѣлѣли отъ выстрѣловъ вражескихъ.

Между тѣмъ, генералъ Рамзай сосредоточилъ 1-й баталіонъ Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго (нынѣ Ростовскій Гренадерскій Принца Фридриха Нидерландскаго) Полка у Лапвикъ и усилилъ береговую батарею у Витсанда, прибывшимъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, изъ г. Або, дивизіономъ Батарейной № 1-го Батареи 1-й Гренадерской Артиллерійской Бригады. 4-я рота 2-го баталіона помянутаго полка была назначена въ прикрытіе батареи, а 2-я Гренадерская рота и

рота Гренадерскаго Стрѣлковаго Баталіона разсыпались по обѣимъ сторонамъ ея; остальныя двѣ роты 2-го баталіона того же полка, подъ начальствомъ полковаго командира, остались для охраненія г. Экнеса.

8-го числа, въ 5 часу утра, непріятель снова началъ свое наступательное движеніе; но мѣткими выстрѣлами береговой батареи, отъ которыхъ суда его получили значительныя поврежденія, былъ остановленъ около часа; послѣ этого, открывъ убійственный, самый учащенный огонь изъ всѣхъ орудій лѣваго борта обоихъ судовъ, онъ совершенно осыпалъ берегъ картечью. Батарея наша перешла тогда на особенно-выгодную для нея позицію у дер. Лексваль, и во 2-мъ часу по полудни возобновила свои дѣйствія. Непріятельскія суда, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, остановились, и хотя были на разстояніи полуторы версты отъ Экнеса, но, потерпѣвъ сильный вредъ, не отважились атаковать городъ и отступили по направленію къ устью Поіоскаго залива.

По свидѣтельству генерала Рамзая, стрѣлки (¹) и артиллерія особенно отличились въ этомъ дѣлѣ мѣткостію своихъ выстрѣловъ; начальники же частей, избирая выгодныя позиціи, много содѣйствовали успѣху дѣла; наконецъ казаки, при отрядѣ находившіеся, съ необыкновенною расторопностію и быстротою передавали приказанія и доставляли свѣдѣнія.

Понесенной непріятелемъ потери съ точностію опредѣлить невозможно, но какъ суда его подвергались сосредоточенному и часто перекрестному нашему огню,

---

(¹) Частныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Финскихъ стрѣлковъ въ этотъ день находятся въ письмѣ изъ Экнеса, помѣщенномъ въ «Гельсингфорской газетѣ» и переведенномъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1854 г. № 131.

то надобно полагать, что уронъ его былъ чувствительный.

Благодаря благоразумной распорядительности нашихъ частныхъ начальниковъ и умѣнью ихъ искусно пользоваться мѣстностію, потеря съ нашей стороны была весьма незначительна: Ростовскаго Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго Полка убиты: командиръ 2-го баталіона и 1 рядовой; раненъ 1 рядовой; въ артиллеріи убито 2, въ Стрѣлковомъ Баталіонѣ раненъ 1 и контужено 3 человѣка нижнихъ чиновъ; артиллерійскихъ лошадей убито 3 (1).

---

(1) Не можемъ не сказать здѣсь, что въ тогдашнихъ иностранныхъ газетахъ сообщены были объ этомъ дѣлѣ самыя нелѣпыя извѣстія, заключавшіяся въ донесеніяхъ Англійскихъ адмирала и капитановъ. Европа съ изумленіемъ читала въ нихъ о геройскихъ подвигахъ Англійскихъ моряковъ и, можетъ быть, вѣрила ихъ дѣйствительности. Считаемъ долгомъ повторить здѣсь опроверженія этихъ нелѣпостей, которыми Англичане вводили въ заблужденіе свое Правительство, народъ, а можетъ быть и цѣлый свѣтъ, стараясь представить Русскихъ изъ слона мухою. Правда вездѣ должна быть правдою, и всегда можетъ найдти болѣе дѣйствительныхъ доказательствъ, нежели ложь, слѣдовательно всегда можетъ вступать съ нею въ борьбу, и доказать всю ничтожность лжи.

Командовавшій Англійскимъ Балтійскимъ флотомъ, вице-адмиралъ Непиръ доносилъ, 20-го Мая, съ корабля Герцогъ Веллингтонъ, предъ Гангеудомъ, что два парохода, одинъ *Аррогантъ*, подъ начальствомъ капитана Іельвертона, другой *Гекла*, подъ начальствомъ капитана Голла, сдѣлали, 20 го Мая, удивительно-отважный поискъ, двинувшись въ Экенесъ, углубленный на 12 Англійскихъ миль во внутренность твердой земли, и, разбивъ и разогнавъ цѣлые полки Русскихъ войскъ, возвратились, безъ потери, съ тремя пушками, отбитыми у Русскихъ съ сильной батареи на Витсендѣ, кромѣ того, защищенной пятью орудіями полевой артиллеріи, значительнымъ числомъ пѣхоты и кавалеріи. Дѣйствительно, это былъ бы удивительный подвигъ, достойный хвалы и славы! Но на дѣлѣ, какъ видѣли, было совсѣмъ иное.

Во 1-хъ, батарея на Витсандѣ отнюдь не была сильная, даже не могла сильно дѣйствовать, ибо не вполнѣ еще была кончена и вооружена. Во 2-хъ, тамъ не было ни бригады пѣхоты, ни кавалеріи, ни конной артиллеріи, замѣченныхъ и насчитанныхъ Англичанами. Послѣ этого должно

Эдуардъ Андреевичъ, за оказанное въ этомъ дѣлѣ

полагать, что заѣхавшіе туда моряки со страха (а у него глаза велики!) почли Русскимъ войскомъ густой лѣсъ, окружающій берега Поіосскаго залива. Потому и не мудрено, что они насчитали такое число войска, и дивились слабому его дѣйствію. Во время дѣла, они обращали жестокій огонь на мнимыхъ Русскихъ, т. е. на деревья и завалили ими весь берегъ. Число убитыхъ у насъ, до 500 чел., Англичане, вѣроятно, вывели изъ того же; даже, можетъ быть, показали не совсѣмъ вѣрно, ибо сбитыхъ и переломанныхъ ими деревъ, вѣроятно, нашлось болѣе показаннаго ими числа. Что же касается до взятыхъ ими трофеевъ, то дѣйствительно они пріобрѣли знаменитые трофеи, которыми могутъ у насъ играть только дѣти: эти пушки были не что иное, какъ маленькіе фальконеты, имѣвшіе наружный видъ пушки и бывшіе прежде на купеческихъ судахъ для салютацій. По малому калибру, нельзя было употребить ихъ съ пользою для дѣйствія, не только противъ пароходовъ, но даже и противъ лодокъ, и при томъ же они принадлежали частному лицу, жителю г. Экнеса, который, вооруживъ нѣсколькими такими пушками батарею, надѣялся тѣмъ оказать хотя малую пользу при воспрепятствованіи подходу непріятеля къ Экнесу. Такого рода орудія въ Русской артиллеріи вовсе не употребляются, а здѣсь преимущественно дѣйствовалъ дивизіонъ изъ 4-хъ орудій Батарейной Батареи Гренадерской Артиллерійской Дивизіи. Фальконеты были оставлены безъ вниманія нашими на берегу, и Англичане взяли ихъ на обратномъ проѣздѣ мимо батареи Витсандъ, а потомъ хвастали имъ по Европѣ, какъ маленькія дѣти найденными игрушками. Послѣ дѣла при Витсандѣ, дѣйствительно, какъ видѣли, нашъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ роты Финскихъ стрѣлковъ, 2-хъ ротъ гренадеръ и дивизіона батарейной батареи, отступилъ оттуда; но уже въ то время, когда пароходы, миновавъ батарею, направились къ Экнесу. По этой причинѣ не было необходимости оставаться тамъ долѣе. Отрядъ этотъ потянулся по деревнѣ Лексваль, откуда могъ дѣйствовать по пароходамъ. Уронъ непріятеля въ дѣлахъ $^7/_{19}$ и $^8/_{20}$ Мая долженъ быть гораздо значительнѣе, чѣмъ Англичане его показывали, ибо очень хорошо извѣстно, что вечеромъ $^7/_{19}$ мая пароходы, при слѣдованіи къ г. Экнесу, проходя Тверминна, были встрѣчены взводомъ Финскихъ стрѣлковъ, показавшихся Англичанамъ цѣлою дивизіею: мѣткими своими пулями, какъ мы привели выше, стрѣлки перебили съ шестнадцати-весельнаго баркаса, шедшаго впереди пароходовъ, до четырнадцати человѣкъ, такъ что онъ долженъ былъ возвратиться къ пароходу при помощи только двухъ веселъ, Сверхъ того съ вантъ обоихъ пароходовъ, съ довольно далекой дистанціи, матросы поражаемые пулями стрѣлковъ, падали какъ глухари. Наши насчитывали съ каждаго парохода по 10-ти раненыхъ; слѣдовательно, по нашимъ расчетамъ, оказывается 36 человѣкъ, не включая урона, понесеннаго ими при Экенесѣ.

отличіе, удостоился получить искреннюю благодарность Незабвеннаго Монарха ([1]).

Чрезъ три мѣсяца, въ ночи съ $^{9}/_{21}$ на $^{10}/_{22}$ Августа 1854 года, было получено извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля къ Абовскимъ шхерамъ. Генералъ Рамзай, осмотрѣвъ линію нашихъ канонирскихъ лодокъ и найдя, что они занимаютъ совершенно открытую позицію на плессѣ Эрстанѣ, сдѣлалъ немедленно распоряженіе къ отводу ихъ подъ защиту береговыхъ укрѣпленій и тѣмъ обезпечилъ фланги канонирскихъ лодокъ.

10-го Августа въ 4 часа непріятельскія суда: баркъ съ закрытою батареею, 2 большихъ колесныхъ парохода, паровая шхуна и небольшой пароходъ двинулись въ Абов-

---

([1]) Редакція Морскаго Сборника, дѣлая извлеченія изъ рапортовъ Контръ-Адмирала Глазенапа, бывшаго послѣ этаго дѣла на мѣстѣ, невѣрно приписала этому флагману принятіе мѣръ къ дальнѣйшей защитѣ мѣстности, порученной генералу Рамзаю.

Считаемъ долгомъ, для возстановленія истины, привести здѣсь слѣдующее письмо въ Редакцію этаго-же изданія:

«Въ Іюньской книжкѣ «Морскаго Сборника» за истекающій годъ, въ офиціальной части, на стр. 133 — 136 помѣщено извлеченіе изъ рапорта моего къ Его Императорскому Высочеству, Управляющему Морскимъ Министерствомъ. На страницѣ 135 встрѣчается слѣдующее:

«Вслѣдъ за тѣмъ Контръ-Адмиралъ Глазенапъ, съ капитанами Нордманомъ и Соденснеромъ, снова осмотрѣвъ проходъ къ *Экнесу и принявъ мѣры для обезопасенія города и множества судовъ*, близъ его находящихся, возвратился въ Гельсингфорсъ».

«Сравнивъ это извлеченіе съ рапортомъ моимъ, я получилъ убѣжденіе, что нѣкоторыя предположенія мои на счетъ способовъ обороны города Экнеса, изложенныя въ этомъ рапортѣ, привели къ той ошибочной мысли, что я *принялъ мѣры* для обезопасенія судовъ и города. Въ окрестностяхъ Экнеса въ то время командовалъ Генералъ-Лейтенантъ Эдуардъ Андреевичъ Рамзай, распоряженіемъ котораго приняты уже были самыя дѣйствительныя мѣры для обезпеченія города, и потому, во всякомъ случаѣ, мое вмѣшательство было бы совершенно неумѣстно и даже невозможно; ибо я въ этомъ мѣстѣ не имѣлъ ни права, ни повода, вступать въ какія либо распоряженія».

Свиты Его Императорскаго Величества
Контръ-Адмиралъ *Глазенапъ*.

22-го Ноября 1854 года.

скій заливъ и въ исходѣ 5-го часа ([1]) вечера открыли огонь, изъ орудій большаго калибра, съ разстоянія отъ нашихъ канонирскихъ лодокъ болѣе 2000 саженъ. 68-фунтовыя ядра ложились около лодокъ и перелетали еще далѣе саженъ на 200; гранаты и бомбы лопались надъ головами, снаряды, вырывая людей изъ строя, бороздили воду вокругъ лодокъ. Наши открыли огонь только тогда, когда непріятель приблизился на вѣрный прицѣльный выстрѣлъ нашихъ орудій и пальба не прекращалась ни на минуту, пока не скрылась корма послѣдняго изъ уходившихъ непріятельскихъ пароходовъ, что послѣдовало въ началѣ восьмаго часа ([2]) вечера. Непріятель потерпѣлъ значительныя поврежденія.

Не смотря на неровный бой, наши вновь сформированные Финскіе команды обнаружили неустрашимость и хладнокровіе, что надобно приписать примѣрному усердію и хладнокровію подъ ядрами, какъ офицеровъ, такъ и безсрочноотпускныхъ матросовъ, бывшихъ добрымъ примѣромъ для Финляндцевъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ этой первой встрѣчѣ Русскихъ канонирскихъ лодокъ съ Англійскими пароходами, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: офицерамъ объявить Высочайше благоволеніе, нижнимъ чинамъ раздать 13 знаковъ отличія военнаго ордена и всѣмъ по рублю. Генералъ Рамзай равномѣрно удостоился Монаршаго благоволенія.

25-го числа того же мѣсяца, Эдуарду Андреевичу, по Высочайшему повелѣнію, былъ подчиненъ сформированный тогда 2 Финскій Флотскій Экипажъ, на одинаковомъ

([1]) По официальному извѣстію (Морск. Сборн. 1854 г. № 9, 11, стр. 37) въ 4 ч. 55 минутъ.

([2]) Тамъ же—въ 7 ч. 15 м.

основаніи, какъ онъ завѣдывалъ 1-мъ флотскимъ экипажемъ, — а 11-го Ноября, «за примѣрно-ревностную и существенно полезную службу и постоянную заботливость объ устройствѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ», ему Всемилостивѣйше пожалована лента ордена Бѣлаго Орла.

Въ слѣдующемъ (1855) году, при бомбардированіи непріятельскимъ флотомъ крѣпости Свеаборга и Гельсинфорской позиціи, Эдуардъ Андреевичъ начальствовалъ правымъ флангомъ общей оборонительной линіи, и Генералъ-Адъютантъ Бергъ поставлялъ *священною обязанностію* назвать его между лицами *преимущественно отличившимися своимъ хладнокровіемъ и распорядительностію* въ эти два дня.

Наградою Рамзаю за новый подвигъ было Всемилостивѣйше пожалованная табакерка съ портретомъ Его Императорскаго Величества.

Въ 1856 году Финляндское Дворянство избрала Эдуарда Андреевича своимъ депутатомъ для присутствія при Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Москвѣ.

Въ вѣчно-памятный день этаго торжества, 26-го Августа, Государь возвелъ Рамзая въ баронское достоинство Великаго Княжества.

Между тѣмъ было Высочайше утверждено положеніе о переформированіи пѣхоты Гвардіи и Гренадерскаго Корпуса, и объ образованіи двухъ отдѣльныхъ корпусовъ: Гвардейскаго и Гренадерскаго и, въ этотъ же священный день, Баронъ Рамзай Всемилостивѣйше назначенъ командиромъ втораго изъ названныхъ двухъ новыхъ отдѣльныхъ корпусовъ, съ правами, властію и преимущестоами, званію командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ присвоенными.

При посѣщеніи Государемъ древней столицы осенью слѣдующаго года Рамзай имѣлъ счастіе представить на Высочайшій смотръ находившіеся въ Москвѣ полки 2-й Бригады 1-й Гренадерской Дивизіи и полки 3-й Гренадерской Дивизіи, а также Облегченную № 3-го Батарею 1-й Гренадерской Артиллерійской Бригады и, Октября 14-го, удостоился получить Монаршее благоволеніе, за очень хорошое состояніе войскъ.

Въ 1858 году 11-го Августа Государь Императоръ, осмотрѣвъ собранную въ Твери, въ полномъ составѣ 7-ю Кавалерскую Дивизію съ ея артиллеріею, изволилъ найти эти войска въ отличномъ порядкѣ, а на произведенномъ 12-го Августа ученіи означенной дивизіи съ артиллеріею Его Величество, найдя, что войска эти исполняли всѣ построенія отчетливо и совершенно правильно, съ примѣрнымъ спокойствіемъ, при замѣчательной быстротѣ, и относя столь блистательное состояніе полковъ и батарей къ отличному знанію дѣла всѣхъ чиновъ и постоянной заботливости начальства, соизволилъ объявить Монаршее благоволеніе Командиру Корпуса Барону Рамзаю.— За тѣмъ, 27-го Августа, Его Императорское Величество произведя въ Москвѣ смотръ полкамъ 2-хъ бригадъ 1-й, 2-й и 3-й Гренадерскихъ Дивизій и всей пѣшей артиллеріи Гренадерскаго Корпуса также изволилъ найти войска эти въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ, за что объявлено всѣмъ начальствовавшимъ лицамъ Монаршее благоволеніе, а въ высокоторжественный день 30-го Августа того-же года Эдуардъ Андреевичъ назначенъ Генералъ-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ должности корпуснаго командира.

9-го Декабря этого года, по Высочайшему повелѣнію,

Баронъ Рамзай назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, Генералъ-Адъютанта, Генерала-отъ-Инфантеріи Муравьева 1-го Генеральнаго Военнаго Суда надъ лицами виновными въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по снабженію войскъ, бывшихъ въ Крымской и Южной Арміяхъ предметами довольствія.

Во время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ въ 1859 году, Его Величество изволилъ произвести: полкамъ 1-хъ бригадъ 1-й, 2-й и 3-й Гренадерскихъ Дивизій, всей состоявшей въ корпусѣ пѣшей артиллеріи, а также 7-й Конно-Артиллерійской Бригадѣ, 18-го Августа смотръ, 20-го числа маневръ, а 19-го и 21-го стрѣльбу въ цѣль, и, къ истинному Своему удовольствію, найдя войска эти въ блистательномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и примѣрномъ порядкѣ, соизволилъ изъявить совершенную признательность командиру корпуса Барону Рамзаю. За тѣмъ, въ высокоторжественный день совершеннолѣтія Государя Наслѣдника, 8-го Сентября 1859 года, за отличіе по службѣ, Эдуардъ Андреевичъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, съ оставленіемъ въ той-же должности и званіи.

Послѣ Высочайшаго смотра, бывшаго въ 1860 году: 13-го Августа, въ Твери, 7-й Кавалерійской Дивизіи, съ принадлежащею къ ней артиллеріею и въ 16-й, 18-й и 19-й дни того же мѣсяца, въ Москвѣ, полкамъ 1-хъ бригадъ 1-й, 2-й и 3-й Гренадерскихъ Дивизій съ ихъ артиллеріею, Государю Императору благоугодно было объявить Барону Рамзаю Свою совершенную признательность и наградить Эдуарда Андреевича Александровскою лентою, при слѣдующей многомилостивой Высочайшей грамотѣ:

Нашему Генералъ-Адъютанту, Генералу-отъ-Инфантеріи, Командиру Отдѣльнаго Гренадерскаго Корпуса, Барону *Рамзаю*.

«Отдавая всегда полную справедливость отличному состоянію войскъ ввѣреннаго командованію вашему Отдѣльнаго Гренадерскаго Корпуса, Мы, къ истинному удовольствію, при нынѣшнемъ осмотрѣ, нашли войска эти въ самомъ блестящемъ видѣ и превосходномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, устройствѣ. Относя это къ неутомимымъ вашимъ трудамъ и заботливости, Мы, во изъявленіе особеннаго благоволенія Нашего къ столь полезной вашей службѣ, Всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашего *Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго*, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.»

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

«Москва,
«19-го Августа 1860 г.»

Въ этомъ же году Эдуардъ Андреевичъ получилъ Знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ.

Наконецъ, въ исходѣ Мая 1861 года, войска Гренадерскаго Корпуса, находившіяся въ Москвѣ, имѣли счастіе представиться опять на смотръ Его Императорскому Величеству въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ, а 3-го Іюня Государь Императоръ, присутствуя на цѣльной стрѣльбѣ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ и линейныхъ ротъ гренадерскихъ полковъ, изволилъ остаться вполнѣ доволенъ отличными успѣхами по этой части образованія означенныхъ войскъ, а послѣ того Государь Императоръ, съ удовольствіемъ изволилъ удостовѣ-

риться въ замѣчательныхъ успѣхахъ гимнастическаго образованія фехтовально-гимнастическаго баталіона корпуса и вызванныхъ, по указанію Его Величества, ротъ этихъ полковъ. За все это, командиръ корпуса, Баронъ Рамзай удостоился вновь получить Высочайшую совершенную признательность.

Высочайшимъ приказомъ 6-го Іюля 1862 г. Баронъ Эдуардъ Андреевичъ назначенъ командующимъ войсками въ Царствѣ Польскомъ.

Государь Императоръ, — прибавлено въ томъ же приказѣ, — возлагая на Генералъ-Адъютанта Барона Рамзая это новое званіе, «объявляетъ ему полную признательность за отличное, въ продолженіи шести лѣтъ, командованіе Отдѣльнымъ Гренадерскимъ Корпусомъ, за то блистательное состояніе, до котораго доведены войска сего корпуса по всѣмъ частямъ устройства и образованія, за тотъ примѣрный, истинно воинскій духъ, который умѣлъ онъ поддержать въ гренадерахъ и тѣмъ оправдалъ вполнѣ высокое Монаршее довѣріе.»

Вслѣдъ за тѣмъ, въ высокоторжественный день 26-го Августа, Государь Императоръ, Высочайшимъ приказомъ, повелѣть соизволилъ генерала Барона Рамзая, — *въ память отличнаго командованія Отдѣльнымъ Гренадерскимъ Корпусомъ, доведеннымъ до того блестящаго состоянія, въ какомъ въ это время онъ вновь представился на смотръ Его Величеству зачислить въ Лейбъ-Гренадерскій Екатеринославскій Его Величества Полкъ.*

Съ своей стороны, Баронъ Эдуардъ Андреевичъ отдалъ слѣдующій Приказъ войскамъ въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ:

«По Высочайшей волѣ, объявленной въ приказѣ Его Императорскаго Высочества, Намѣстника Царства Поль-

скаго, отъ 10-го сего Іюля, вступая, подъ главнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества, въ командованіе войсками, расположенными въ Царствѣ, я всѣми силами потщусь оправдать высокое довѣріе Государя Императора достойнымъ поддержаніемъ славы нашимъ знаменъ — постояннымъ наблюденіемъ не нарушимости дисциплины — неусыпнымъ попеченіемъ о благѣ ввѣренныхъ мнѣ войскъ — и справедливымъ воздаяніемъ заслугамъ каждаго.

«Вполнѣ полагаясь на извѣстную мнѣ доблестную службу всѣхъ моихъ новыхъ сослуживцевъ, я не сомнѣваюсь, что они, безпрестанно руководимые чувствомъ къ долгу, окажутъ мнѣ свое содѣйствіе благороднымъ соревнованіемъ чинъ передъ чиномъ и тѣмъ, помощію Божіею, сохранится спокойствіе края и осуществятся великодушныя предначертанія Его Императорскаго Величества.

«Да здравствуетъ Государь Императоръ! Да здравствуетъ Государь Намѣстникъ! для счастія и благоденствія Россіи и Польши.»

Подписалъ «Генералъ-Адъютантъ баронъ Рамзай».

Этими свидѣтельствами заслугъ доблестнаго вождя и выраженіями о нихъ мнѣнія Царскаго и взглядомъ самаго Барона Эдуарда Андреевича на предстоящую новую великую обязанность, въ одну изъ труднѣйшихъ годинъ переживаемыхъ Польшею, оканчиваемъ нашъ очеркъ, считая не удобнымъ, какъ о современникѣ, распространятся о высокихъ нравственныхъ его качествахъ, пріобрѣвшихъ ему, не говоря о безусловной преданности Финляндцевъ, легко понятной, и полную довѣренность всѣхъ войскъ, которыми онъ начальствовалъ, хотя и самое короткое время.

Генералъ-отъ-Инфантеріи.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ,

VI.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПРОТИВЪ «НОВЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ О СРАЖЕНІИ ПРИ АЛЬМѢ», ИЗЛОЖЕННЫХЪ ГЕНЕРАЛОМЪ КИРЬЯКОВЫМЪ ВЪ № 136 «РУССКАГО ИНВАЛИДА».

Съ той минуты, какъ составъ непріятельскихъ войскъ сдѣлался извѣстнымъ, и мы узнали, что на берега наши высадилась армія числомъ до 70-ти тысячъ человѣкъ, а не въ 30-ти тысячномъ составѣ (какъ нѣкоторые ожидали), необходимо было оставить убѣжденіе въ возможности разбить ее нашими наличными силами, а должно было, въ видахъ сбереженія собственнаго войска для будущихъ дѣйствій, обратить полное вниманіе на то, какъ бы нанести непріятелю, въ Альмскомъ сраженіи, по возможности чувствительный уронъ и, уступивъ съ боя Альмскую позицію, оступить въ такомъ положеніи, чтобы непріятель, опасаясь встрѣтить въ насъ еще сильное сопротивленіе, не осмѣлился дѣйствовать рѣшительно, и тѣмъ далъ намъ время оправиться. Вотъ главныя основанія распоряженій нашихъ передъ Альмскимъ сраженіемъ. Всѣ послѣдующія должны были соображаться съ дѣйствіями непріятелями, который, будучи гораздо сильнѣе насъ, имѣлъ ту выгоду, что могъ распологать своими движеніями, которыя мы, по растянутости непріятельской боевой линіи, не могли предупредить на всѣхъ пунктахъ нашими ограниченными силами. Слѣдовательно, намъ оставалось расположить войска такъ, чтобы во время сраженія не затрудняясь передвигать ихъ, куда укажетъ надобность; въ тѣхъ же видахъ и отступленіе предпринято нами не прямо въ Севастополь, а первоначально только на рѣку Качу. . . . . . .

. . . .

Обращаюсь къ нѣкоторымъ подробностямъ Альмскаго сраженія. Главнокомандующій, за нѣсколько дней до сраженія, лично осмотрѣвъ мѣстность, назначилъ позиціи войскамъ, при чемъ шла рѣчь о томъ, что необходимо бы было лѣвымъ флангомъ нашимъ упереться въ море, но что это неудобоисполнимо, во-первыхъ, потому, что линія наша, при незначительномъ числѣ войскъ, слишкомъ распространилась бы и, во-вторыхъ, потому, что непріятель, если предприметъ атаку съ моря, то, вѣроятно, прикроетъ свои войска флотомъ, и тогда нашимъ войскамъ, расположеннымъ близъ берега, прійдется сильно пострадать отъ огня морской артиллеріи. По этимъ соображеніямъ, главнокомандующій приказалъ поставить у подъема съ моря, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ только батальйонъ, которому представлялась возможность, не выказываясь, встрѣтить непріятеля батальнымъ огнемъ въ то время, когда передовыя части его начнутъ восхо-

дить на высоты. Генералъ Кирьяковъ, получившій тутъ же приказанія о расположеніи ввѣренныхъ ему войскъ, первый отозвался, что онъ на подъемѣ съ моря съ однимъ батальйономъ «шапками забросаетъ непріятеля». Изъ этихъ словъ видно, что до Альмскаго сраженія онъ находилъ подъемъ этотъ неудобопроходимъ.

Войскамъ нашимъ приказано удерживать главнѣйшія позиціи въ слѣдующимъ порядкѣ: переправу чрезъ Альмскій мостъ и Севастопольскую дорогу — центру нашихъ силъ; бродъ чрезъ эту рѣку, выше моста и правѣе Севастопольской дороги, — правому флангу; бродъ ниже моста и подъемъ отъ рѣки Альмы, идущій небольшимъ ущельемъ къ нашей позиціи лѣвѣе Севастопольской дороги, — лѣвому флангу. Правый флангъ и центръ находились подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова; лѣвый флангъ подъ командою генералъ-лейтенанта Кирьякова. За тѣмъ рѣшено было: если непріятель поведетъ атаку, упираясь правымъ флангомъ къ морю, и растянетъ линію атакующихъ силъ своихъ только до моста, тогда мы, получивъ возможность оставить для наблюденія за бродомъ, бывшимъ противу нашего праваго фланга, только часть кавалеріи и нѣсколько пѣхоты въ устроенномъ для нея редутѣ, остальными войсками праваго фланга въ состояніи будемъ усилить наши войска, которымъ поручена позиція у моста; войска же генерала Кирьякова останутся удерживать позицію лѣвѣе Севастопольской дороги; а для образованія въ этомъ случаѣ лѣваго фланга противу подъема съ моря, гдѣ былъ поставленъ, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ батальйонъ, представлялась возможность взять изъ резерва Минскій и Московскій пѣхотные полки, двѣ пѣшія и одну конную легкія батареи и одинъ гусарскій полкъ. Войскамъ этимъ предназначено было занять позицію въ то время, когда непріятельскія колонны начнутъ показываться на вершинѣ подъема, то есть, когда непріятель будетъ поставленъ въ необходимости дѣйствовать по той позиціи съ моря осмотрительнѣе, чтобы не бить своихъ, и, слѣдовательно, когда огонь его морской артиллеріи не могъ быть для насъ слишкомъ губителенъ.

Непріятель дѣйствительно повелъ атаку, упираясь правымъ флангомъ къ морю, и растянулъ атакующую линію свою до моста включительно. Первый огонь по непріятелю открылъ батальйонъ Минскаго пѣхотнаго полка, находившійся на наблюдательномъ посту у подъема съ моря. Главнокомандующій тотчасъ послалъ меня къ тому батальйону, приказавъ немедленно двигаться назначеннымъ на тотъ пунктъ войскамъ, которыя и поручено было вести прикомандированному къ генеральному штабу штабсъ-ротмистру Жолобову. При-

бывъ къ батальйону, я засталъ его нѣсколько подавшимся въ лощину, для избѣжанія сильнаго штуцернаго огня. Въ одно почти время со мною прискакала туда легкая № 4-го батарея 17-й артиллерійской бригады; тогда батальйонъ, не ожидая прибытія остальныхъ войскъ, предводимый храбрымъ командиромъ, подполковникомъ (нынѣ полковникъ) Раковичемъ, вмѣстѣ съ батареею выдвинулся на позицію. Командиръ батареи, подполковникъ Кондратьевъ, распоряжался какъ бы на ученьи: несмотря на то, что у него прислуга едва успѣвала замѣнять убылыхъ товарищей, онъ молодецки дѣйствовалъ изъ своихъ орудій; а подполковникъ Раковичъ, разсыпавъ батальйонъ, открылъ сильный ружейный огонь, такъ что непріятель, постоянно усиливавшійся на высотахъ, соединенными дѣйствіями этихъ двухъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ былъ пріостановленъ. Между тѣмъ подходили остальныя, предназначенныя на этотъ пунктъ, войска и прибыла легкая № 5-го батарея 17-й артиллерійской бригады. Главнокомандующій незамедлилъ прискакать къ мѣсту боя и, осмотрѣвъ расположеніе сражавшихся войскъ, самъ поставилъ легкую конную № 12-го батарею и гусарскій полкъ противу лощины, по которой, безъ этого предупрежденія, непріятель могъ обойти нашу пѣхоту. Такимъ образомъ, по вышеобъясненному расположенію, составился на этомъ пунктѣ нашъ лѣвый флангъ, который до приказанія отступать удерживалъ сильно напиравшаго на него непріятеля, не давая ему и шагу двинутся впередъ. Вотъ на чемъ основывается генералъ Кирьяковъ, оспаривая Князя Горчакова и генерала Квицынскаго, что лѣвый флангъ отступилъ послѣ праваго. Лѣвый флангъ, какъ выше сказано, дѣйствительно отступилъ послѣдній; но дѣло совсѣмъ не въ томъ: г. К. П. Г. въ № 58-мъ «Русскаго Инвалида» говоритъ: «Центръ и правый флангъ оставались на мѣстѣ, доколѣ Французы, занятіемъ высотъ, защищаемыхъ Бородинскимъ (*) полкомъ, не стали слѣва угрожать центру». Въ № 84-мъ «Русскаго Инвалида», генералъ Квицынскій выражается: «Положеніе было критическое, Англичане и Французы стали уже огибать фланги, Севастопольская дорога, слѣва. была уже отрѣзана». Въ № 101 той же газеты, князь Горчаковъ говоритъ: «отступленіе въ сущности началъ слѣва, частными начальниками, когда Французы стали обходить насъ». Изъ этого ясно видно, что ни князь Горчаковъ, ни генералъ Квицынскій не утверждаютъ, что лѣвый флангъ отступилъ прежде; они только говорятъ, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что Севастополь-

(*) Вся вторая бригада 17-й Пѣхотной дивизіи была подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова.

ская дорога слѣва была отрѣзана. Въ этомъ они совершенно правы, и, какъ видно, только изъ деликатности не хотѣли прямо сказать, что генералъ Кирьяковъ отступилъ первый. Обстоятельство это далѣе объясняется подробнѣе.

Главнокомандующій, устроивъ лѣвый флангъ на позиціи, о которой мы говорили, отправился по боевой линіи нашихъ войскъ къ мосту, гдѣ завязался уже сильный бой и гдѣ князь П. Д. Горчаковъ, съ генераломъ Квицынскимъ (дорого поплатившимся въ этотъ день), неоднократно водили войска въ штыки и упорно отстаивали свою позицію. Артиллерія наша и здѣсь дѣйствовала удивительно: колонны Англичанъ валились отъ картечныхъ выстрѣловъ. Въ день Альмскаго сраженія, наши артиллеристы, всѣ, отъ перваго офицера до послѣднято рядового, вели себя геройски.

На пути слѣдованія нашего къ этому побоищу, мы были изумлены, найдя, что позиція наша, слѣва отъ Севастопольской дороги, оставлена генераломъ Кирьяковымъ, — изумлены тѣмъ болѣе, что и высоты, находившіяся сзади той позиціи и командовавшія ею, никѣмъ не были заняты: французскіе стрѣлки безпрепятственно взбирались уже на оставленную генераломъ Кирьяковытъ позицію — и открыли по насъ штуцерный огонь (одна пуля ударила въ копыто лошади главнокомандующаго). Проскакавъ еще нѣкоторое пространство, мы встрѣтили генерала Кирьякова въ лощинѣ, пѣшаго; на вопросъ: гдѣ его войска? онъ отвѣчалъ, что подъ нимъ убита лошадь! Некогда было терять времени, и потому главнокомандующій, пославъ отыскать войска, оставившія столь важную позицію, поспѣшилъ къ мосту. Между тѣмъ, Французы успѣли выдвинуть на бывшую позицію генерала Кирьякова артиллерію, и открыли огонь во флангъ нашего праваго крыла. Вотъ чѣмъ оправдываются слова князя П. Д. Горчакова и генерала Квицынскаго, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что они слѣва были обойдены; и вотъ настоящая причина, отъ чего войска ихъ понесли потерю значительнѣе, нежели могли ожидать, и отъ чего нѣкоторыя части, потерявъ всѣхъ своихъ начальниковъ, нѣсколько смѣшались. Здѣсь я былъ контуженъ и вынужденъ отправиться на перевязку. Возвратившись на поле сраженія, я засталъ войска наши уже отступавшими отъ моста. Одинъ батальйонъ, безъ офицеровъ, и въ числѣ менѣе 200 человѣковъ, отступалъ въ безпорядкѣ: главнокомандующій, замѣтивъ это, приказалъ собрать людей къ знамени, поставить передъ ними хоръ музыкантовъ и отступать съ музыкой—это было немедленно исполнено, и безпорядокъ исчезъ.

Общее отступленіе началось, когда войска князя П. Д. Горчаковз

стали на одной линіи съ лѣвымъ флангомъ (*), которому тогда только и послано приказаніе отступать. Боевая линія почти въ одно время прошла за линію резервовъ; здѣсь приказано Волынскому пѣхотному полку и войскамъ генерала Кирьякова, бывшимъ на позиціи слѣва отъ Севастопольской дороги, а именно: 2-й бригадѣ 17-й и четыремъ резервнымъ батальйонамъ 13-й пѣхотныхъ дивизій, прикрыть отступленіе. Генерала Кирьякова, которому по старшинству слѣдовало принять начальство надъ арріергардомъ, не оказалось при его войскахъ, почему главнокомандующій приказалъ полковнику (нынѣ генералъ-майору) Хрущову, прикрыть отступленіе; это и было исполнено полковникомъ Хрущовымъ въ совершенномъ порядкѣ.

. . . .

Совершенно стемнѣло, когда мы заняли позицію на рѣкѣ Качѣ. Непріятель не преслѣдовалъ насъ и потому ничего особенно-замѣчательнаго не произошло. Не знаю, на какомъ основаніи генералъ Кирьяковъ около полуночи прибылъ къ главнокомандующему съ докладомъ, что войска расположились на позиціи, не знаю, что отвѣчалъ ему князь Меншиковъ, знаю только, что мы до прибытія нашего въ Севастополь не видѣли генерала Кирьякова.

Здѣсь не лишнимъ будетъ назвать тѣ войска нашей пѣхоты, которыя дѣйствительно дрались на Альмѣ. Вотъ ихъ перечень: саперы, сводный морской батальйонъ, 16-я пѣхотная дивизія, Минскій пѣхотный полкъ и полки 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи; изъ нихъ два батальйона Московскаго пѣхотнаго полка были въ весьма слабомъ составѣ, потому что, совершивъ въ тотъ день, усиленнымъ маршемъ, большой переходъ, прибыли прямо на позицію изнуренные, оставивъ на пути слѣдованія много отсталыхъ. За тѣмъ Волынскій пѣхотный полкъ оставался не тронутымъ изъ резерва, а 2-я бригада 17-й и резервные батальйоны 13-й пѣхотныхъ дивизій, безъ боя выведены генераломъ Кирьяковымъ изъ нашей боевой линіи, и, какъ сказано выше, Французы заняли ихъ позицію, откуда весьма удобно дѣйствовали во флангъ князя П. Д. Горчакова. . . . .

. . . .

Генералъ-майоръ **В. ВУНШЪ.**

Мая 15 1858 года.
г. Бобрынецъ.

(«Военный Сборникъ» 1858 г. № 3).

(*) Позиція наша шла дугою къ морю; слѣдовательно, лѣвый флангъ нашъ былъ загнутъ.

VII.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ВУНША,
помѣщенную въ «Военномъ Сборникѣ» за Іюль 1858 года.

Въ «Военномъ Сборникѣ» (іюль 1858 года) помѣщена статья генералъ-майора Вунша, написанная въ опроверженіе статьи, помѣщенной мною въ № 136 «Русскаго Инвалида», 1856 года, подъ заглавіемъ: «Новыя подробности о сраженіи при Альмѣ«. Въ статьѣ своей, генералъ Вуншъ, какъ очевидецъ, старается опровергнуть выставленные мною факты и доводы, и убѣдить, что Альмское дѣло приняло неудачный для насъ оборотъ единственно по нераспорядительности моей, какъ командующаго лѣвымъ флангомъ.

Считаю долгомъ представить на судъ читателей и будущихъ историковъ настоящій ходъ дѣла,

. . . .

. . . .

Генералъ Вуншъ собирался слишкомъ два года возражать на мою статью и, вмѣсто того, чтобы высказать что нибудь новое и полезное объ Алмскомъ сраженіи, наполнилъ оную вымыслами и оскорбленіями моей личности; приписалъ мнѣ слова, которыхъ я не говорилъ, приказанія, которыхъ я не получалъ, и движеніе войскъ не въ тѣ моменты, въ которые они совершались.

Онъ пишетъ: «Главнокомандующій, за нѣсколько дней до сраженія, лично осмотрѣвъ мѣстность, назначилъ позиціи войскамъ и по соображеніямъ приказалъ поставить у подъема съ моря, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ только батальйонъ, которому представлялась возможность. не выказываясь, встрѣтить непріятеля батальнымъ огнемъ, въ то время, когда передовыя его части начнутъ всходить на высоты. Генералъ Кирьяковъ, получившій тутъ же приказанія о расположеніи ввѣренныхъ ему войскъ, первый отозвался, что онъ на подъемѣ съ моря, съ однимъ батальйономъ, шапками закидаетъ непріятеля».

Генералъ Вуншъ приписалъ мнѣ фразу, которой я не могъ произнести даже и потому, что въ этотъ день осматривалъ мѣстность съ полковникомъ Саблеромъ (нынѣ начальникомъ штаба 2-й гренадерской дивизіи), на нашемъ правомъ флангѣ, и не былъ при отдачѣ главнокомандующимъ приказаній, а получилъ ихъ уже ночью, чрезъ покойнаго ротмистра Жолобова, который и показалъ назначенное батальйону мѣсто.

Далѣе, генералъ Вуншъ продолжаетъ: «На пути слѣдованія нашего къ этому побоищу (къ правому флангу), мы были изумлены, найдя, что позиція наша, слѣва отъ севастопольской дороги, оставлена генераломъ Кирьяковымъ, и изумлены тѣмъ болѣе, что и высоты, находящіяся сзади той позиціи и командовавшія ею, никѣмъ не были заняты: французскіе стрѣлки безпрепятственно взбирались уже на оставленную генераломъ Кирьяковымъ позицію и открыли по насъ штуцерной огонь (одна пуля ударила въ копыто лошади главнокомандующаго). Проскакавъ еще нѣкоторое пространство, мы встрѣтили генерала Кирьякова въ лощинѣ, пѣшаго; на вопросъ: гдѣ его войска? онъ отвѣчалъ, что подъ нимъ убита лошадь! Главнокомандующій послалъ отыскивать войска, оставившія столь важную позицію».

Небудучи очевидцемъ этой встрѣчи съ главнокомандующимъ въ тотъ моментъ, когда подо-мною убита лошадь, и не вникнувъ въ сущность этого случая, подробно описаннаго въ статьѣ моей, генералъ Вуншъ объясняетъ его произвольно. Теперь, какъ и прежде, я утверждаю, что около $12^1/_2$ часовъ, князь Александръ Сергѣевичъ, возвратившись къ Тарутинскому полку, у котораго я тогда находился, приказалъ мнѣ ѣхать къ Московскому и Минскому полкамъ и ихъ устроить. Войска въ этомъ мѣстѣ состояли: изъ 4-хъ батальйоновъ резервной бригады 13-й дивизіи въ 1-й линіи, и изъ Тарутинскаго полка, составлявшаго оконечность нашей позиціи на лѣвомъ флангѣ во 2-й линіи. Во время проѣзда главнокомандующаго, войска оставались на своихъ мѣстахъ, какъ первоначально были поставлены и не одинъ батальйонъ не былъ передвинуть ни на одинъ вершокъ. Главнокомандующій, при проѣздѣ мимо этихъ войскъ, видѣлъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ.

По словамъ генерала Вунша, я, оставивъ столь важный постъ и встрѣченный въ лощинѣ, въ близи непріятельскихъ стрѣлковъ, на вопросъ главнокомандующаго: «гдѣ ваше войско», отвѣчалъ «подомною убита лошадь». Генералъ Вуншъ приписалъ главнокомандующему небывалую слабость, который могъ заставить меня дать прямой отвѣтъ, куда дѣвалась половина арміи; но онъ не сдѣлалъ этого, потому что видѣлъ войска на мѣстѣ, и приказалъ мнѣ ѣхать къ Минскому и Московскому полкамъ.

«Мы скакали съ главнокомандующимъ по линіи» — слова генерала Вунша; тогда какъ главнокомандующій ѣхалъ по линіи ровнымъ шагомъ, что всѣ видѣли и впослѣдствіи объ этомъ часто говорили въ арміи. Непонимаю, что хотѣлъ сказать генералъ Вуншъ тѣмъ, что штуцерная пуля попала въ копыто лошади главнокомандующаго; тутъ

нѣтъ ничего необыкновеннаго, пуля могла попасть и въ самаго главнокомандующаго, когда онъ скакалъ по линіи, точно также, если бы онъ ѣхалъ шагомъ.

«Французы успѣли выдвинуть на бывшую позицію генерала Кирьякова артиллерію, говоритъ генералъ Вуншъ, и открыли огонъ во флангъ нашего праваго крыла. Вотъ чѣмъ оправдываются слова князя Горчакова и генерала Квицинскаго, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что они слѣва были обойдены, и вотъ настоящая причина, отъ чего войска ихъ понесли потерю значительнѣе, нежели могли ожидать, и отъ чего нѣкоторыя части, потерявъ всѣхъ своихъ начальниковъ, нѣсколько смѣшались. Здѣсь я былъ контуженъ и вынужденъ отправиться на перевязку».

Вотъ новыя подробности, о которыхъ до сихъ поръ никто не слыхалъ, и которыя, вѣроятно, одинъ генералъ Вуншъ, какъ очевидецъ ихъ, можетъ описывать. Правда, что Французы выдвинули артиллерію противъ нашего лѣваго фланга и тѣмъ начали сраженіе съ полками Минскимъ и Московскимъ; но какое вліяніе могла имѣть эта артиллерія на нашъ правый флангъ, тогда какъ она даже и лѣвому флангу не нанесла никакого вреда.

Генералъ Вуншъ продолжаетъ: «Общее отступленіе началось, когда войска князя П. Д. Горчакова стали на одной линіи съ лѣвымъ флангомъ, которому тогда только и послано приказаніе отступать. Боевая линія почти въ одно время прошла за линію резервовъ; здѣсь приказано Волынскому пѣхотному полку и войскамъ генерала Кирьякова, бывшимъ на позиціи отъ севастопольской дороги, а именно: 2-й бригадѣ 17-й и четыремъ резервнымъ батальйонамъ 13-й пѣхотныхъ дивизій, прикрыть отступленіе; генерала Кирьякова, которому по старшинству слѣдовало принять начальство надъ арріергардомъ, не оказалось при его войскахъ, почему главнокомандующій приказалъ полковнику Хрущову (нынѣ генералъ-майору) прикрыть отступленіе; это и было исполнено полковникомъ Хрущовымъ въ совершенномъ порядкѣ.»

Больно видѣть, что генералъ Вуншъ позволилъ себѣ, по наслышкѣ, распространять печатную ложь. Если меня не было при войскахъ, какъ онъ утверждаетъ, то ктоже управлялъ отступленіемъ? Также желалъ бы я знать, когда и кто послалъ ко мнѣ приказаніе начать отступленіе. Всѣ войска, бывшія подъ моимъ начальствомъ, могутъ подтвердить, что я все время былъ на своемъ мѣстѣ, ни отъ кого не получалъ приказанія отступать, а отдалъ это приказаніе самъ, когда не было никакой возможности держаться на моей пози-

ціи, и что еслибы я промедлилъ одну минуту, то весь лѣвый флангъ, обойденный справа, могъ поплатиться за это плѣномъ, или совершеннымъ уничтоженіемъ, будучи прижатымъ къ морю. Отступленіе это подробно и вѣрно описано въ статьѣ моей, на которую возражаетъ генералъ Вуншъ.

Къ этому прибавлю, что я, съ войсками лѣваго фланга, достигнувъ направленія, по которому отступилъ правый флангъ къ Качѣ, выстроилъ войска къ бою, имѣя впереди до 30 орудій, принадлежащихъ составу праваго фланга.

Когда войска лѣваго фланга были построены, то для наблюденія непріятеля, я, съ нѣсколькимы козаками, выѣхалъ впередъ, ближе къ нему. Въ это самое время, главнокомандующій, проѣзжая мимо командуемыхъ мною войскъ, потребовалъ меня, а самъ поѣхалъ далѣе; мнѣ дали объ этомъ знать и я догналъ его за полторы версты. Тутъ же при немъ былъ и покойный адмиралъ Корниловъ съ нѣсколькими флотскими офицерами своего штаба. Его свѣтлость, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Прикажите войскамъ, чтобы они. перейдя Качу, остановились ночевать, а завтра рано слѣдовали на Бельбекъ, гдѣ вы изберите позицію и поставьте войска лицомъ къ морю, такъ, чтобы была прикрыта дорога въ Бахчисарай». Вѣроятно найдется кто нибудь, кто былъ свидѣтелемъ этого разговора.

На другой день войскамъ велѣно слѣдовать на Южную сторону, чрезъ Инкерманскій мостъ, а тѣ, которыя были ближе къ Сѣверной сторонѣ, переправились на пароходахъ, оставивъ одинъ Тарутинскій полкъ на Сѣверной сторонѣ.

Возвратившись къ войскамъ, я приказалъ пѣхотѣ и артиллеріи слѣдовать къ Качѣ, а самъ остался при гусарскомъ Принца Веймарнскаго полку, при которомъ находились 4 орудія донской батарейной батареи. Когда, по моему разсчету, всѣ войска уже переправились за Качу, я двинулся съ гусарами туда же, и прибывъ на Качу, отправился къ главнокомандующему доложить, что всѣ войска переправились; отъ него поѣхалъ на Бельбекъ, чтобы къ утру выполнить данное мнѣ приказаніе, на счетъ выбора позиціи.

Итакъ, не соображаясь ни съ какими обстоятельствами, генералъ Вуншъ утверждаетъ, что Альмское сраженіе могло бы обойтись непріятелю дороже, еслибы я безъ боя не отдалъ позицію, которая дала возможность зайти во флангъ нашему правому крылу, и тѣмъ преждевременно взять надъ нами перевѣсъ.

Если доказано, что занимаемая мною позиція никогда, ни безъ боя, ни съ боемъ, не отдавалась, а оставлена только въ то время, когда

передовыя войска праваго фланга подходили почти къ долинѣ Качи,— то отчего не нанесено болѣе вреда непріятелю?

Всякій, кто видѣлъ мѣстность при Альмѣ и позицію, мною занимаемую на лѣвомъ флангѣ, скажетъ, что при отступленіи невозможно скрыть не только такую массу войскъ, какую составлялъ лѣвый флангъ, но и унтеръ-офицерскій караулъ будетъ виденъ на самое дальнее разстояніе; и еслибъ въ то время, на мѣстѣ моей позиціи были непріятельская артиллерія и стрѣлки, какъ увѣряетъ генералъ Вуншъ, то навѣрное бы правый флангъ, и въ особенности полки Минскій и Московскій, были бы подвержены совершенному уничтоженію.

. . . .

. . . .

Считая себя выше личныхъ оскорбленій, которыя генералъ Вуншъ позволилъ себѣ въ статьѣ своей противъ меня, и сознавая, что журналъ «Военный Сборникъ», служа органомъ для борьбы мнѣній о предметѣ, не долженъ давать мѣста на страницахъ своихъ частной полемикѣ-перебранкѣ, я заключаю статью свою указаніемъ генералу Вуншу, что даже самое исчисленіе войскъ, сражавшихся подъ Альмой сдѣлано имъ неправильно. Между войсками, участвовавшими въ дѣлѣ онъ называетъ первую бригаду 17-й пѣхотной дивизіи, состоящую изъ полковъ Московскаго и Бутырскаго, но Бутырскій полкъ въ сраженіи при Альмѣ совсѣмъ не участвовалъ и прибылъ къ арміи недѣли три спустя, прямо въ Севастополь.

Непростительно генералу Вуншу, хотя и номинально исправлявшему должность начальника главнаго штаба арміи, не знать, какія именно войска участвовали въ сраженіи.

Генералъ-лейтенантъ **КИРЬЯКОВЪ.**

(Военн. Сборн. 1859 № 1.)

VIII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА ГОРЧАКОВА КЪ РЕДАКТОРУ ИЗДАНІЯ «ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ» (*).

Перелистывая изданную Вами мою Біографію, естественно коснулся я взглядомъ и на приложенія, между которыми нашелъ и прерѣканія г-на Кирьякова съ г. Вуншемъ. Не входя въ разбирательство ихъ личнаго спора, подробности мнѣ мало извѣстныя, обращусь нѣсколькими словами только къ сущности общаго разказа объ Альминскомъ сраженіи.

Изъ письма г-на Кирьякова, есть поводъ понять косвенно, что непріятель нашелъ на лѣвомъ флангѣ, подъ его начальствомъ, наиболѣе сопротивленія и что онъ принужденъ былъ оставить свою позицію, наипаче по отступленію центра и праваго крыла.

До какой степени оборона его части была упорна судить я себѣ не позволяю, а возобновлять безконечнаго спора кто первый началъ обратное движеніе,—въ чемъ согласится мы не можемъ,—почитаю утомительнымъ; почему перехожу къ вопросу болѣе важному, на какомъ пунктѣ наши войска при Альмѣ оказали наиболѣе стойкости; вопросъ разрѣшеніе котораго предоставляю читателямъ, приводя только къ ихъ соображенію, что когда съ нашей стороны *всего* было убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ: 4 генерала, 23 штабъ и 170 оберъ-офицеровъ и до 5341 нижнихъ чиновъ,—на долю полковъ 16-й пѣхотной дивизіи, приходится большая часть всей этой потери, а именно: 3 генерала (начальникъ девизіи и оба бригадные командира), 9 штабъ и 82 оберъ-офицеровъ и 2928 нижнихъ чиновъ, а изъ стоявшихъ въ центрѣ, около моста и брода, въ самое короткое время, полки Егерскій Великаго Князя Михаила Николаевича и Владимірскій пѣхотный — нынѣ носящій мое имя — были буквально истреблены, ибо одинъ послѣдній потерялъ штабъ-офицеровъ 5,

(*) Редакція имѣла честь получить это письмо по выпускѣ въ свѣтъ №№ 7—10, въ которыхъ первоначально былъ помѣщенъ очеркъ служебной дѣятельности Его Сіятельства.

оберъ-офицеровъ 42,—въ томъ числѣ полковаго командира, 3 баталіонныхъ и 14 ротныхъ командировъ, — нижнихъ чиновъ 1260; а полкъ Его Высочества лишился: 3 штабъ и 25 оберъ-офицеровъ и 1124 нижнихъ чиновъ, и я выбылъ пѣшій, безъ единаго адъютанта и ординарца, съ шестью пулями въ платьѣ.

РЯДОВОЙ

АЛЕКСѢЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ СИНЮГИНЪ.

(Награжденный Знакомъ отличія Военнаго Ордена.)

Рядовой Алексѣй Яковлевичъ Синюгинъ,—который будетъ всегда жить въ памяти Русской Гвардіи своимъ замѣчательнымъ подвигомъ въ первую Турецкую войну Незабвеннаго царствованія Государя Императора Николая Павловича,—родился въ концѣ прошедшаго столѣтія ([1]) и въ службу вступилъ 1-го Сентября 1811 г., изъ крестьянъ села Шипкова (помѣщика Маркова), Землянскаго уѣзда Воронежской губерніи. Первоначально назначенный въ Уфимскій Пѣхотный Полкъ, онъ не имѣлъ счастія участвовать въ Отечественной войнѣ, но по изгнаніи врага изъ предѣловъ Имперіи, перешелъ въ рядахъ нашихъ войскъ въ Герцогство Варшавское, а потомъ въ Германію и во Франціи и находился въ сраженіяхъ 4-го Августа 1813 г.—при мѣстечкѣ Томилу, 25-го того же мѣсяца при г. Ютерборкѣ, 6-го Сентября въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ, а въ 1814 г. 19-го Марта участвовалъ въ торжественномъ вступленіе Союзниковъ въ Парижъ.

([1]) Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Синюгина за 1828 г.—показано ему 31 годъ.

Въ слѣдующемъ году Синюгинъ снова ходилъ за границу и находился на знаменитомъ смотрѣ при Вертю.

18-го Января 1819 г.—онъ переведенъ въ Л. Гв. Гренадерскій Полкъ. Чрезъ девятъ лѣтъ этотъ полкъ двинулся къ берегамъ Дуная, уже за-долго прежде ознаменованнымъ его подвигами, — и Синюгинъ, — тогда состоявшій въ 2-й фузелерной ротѣ,—принялъ участіе въ осадѣ крѣпости Варны.

15-го Сентября вечеромъ Лейбъ-Гренадеры, будучи окружены со всѣхъ сторонъ Турками, сидѣли во кругъ бивуачныхъ огней и разсуждали о настоящемъ положеніи. «Плохо братцы будетъ намъ», сказалъ Синюгинъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, «подмоги не даютъ намъ, а басурманы вчетверо насъ сильнѣе и крѣпко хорахорятся; того и гляди карачуна намъ дадутъ и искрошатъ словно артельную капусту». — «Съ умомъ-ли ты, возразилъ старый усастый гренадеръ роты Его Величества Иванъ Рохинъ, а Быстровъ-то на что (Генералъ-Адъютанта Бистрома всѣ солдаты называли Быстровъ). Да съ нимъ, братъ, и на днѣ моря не сгинемъ, и хотя-бы ихъ было по десятку на всякаго нашего, все трынь-трава! гляди, вишъ какимъ богатыремъ расхаживаетъ!— продолжалъ ветеранъ, указывая на Генерала Бистрома; стало быть намъ не о чемъ сомнѣваться.»—«Оно такъ»— отвѣчалъ Синюгинъ, почесывая затылокъ, — а все-таки по-куряжнѣе было-бы, когда-бъ на подмогу прислали хоть еще одинъ полкъ.»—«Экой ты безтолковый!—сказалъ стоявшій вблизи другой гренадеръ роты Его Величества Перфилій Давыдовъ,— заладилъ одно: давай ему подмогу; а зачѣмъ тебѣ подмога? да въ Быстровѣ-то одномъ сидитъ пять тысячь войска, вотъ тебѣ и подмога.»

Въ это время Генералъ Бистромъ, прохаживаясь по би-

вуакамъ и какъ-бы предугадывая предметъ разговора солдатъ, подошелъ къ той самой кучкѣ, среди которой происходилъ разговоръ. «Здорово молодцы, храбрые гренадеры!» — «Здравіе желаемъ, Ваше Превосходительство!» — съ восторгомъ грянули усачи, на привѣтъ любимаго начальника. «Ужинали-ли вы сего дня!» спросилъ Генералъ Бистромъ. — «Ни какъ нѣтъ-съ,» — отвѣчали солдаты.—«Такъ ступайте же, выпейте по чаркѣ водки, закусите сухаремъ, чтобъ за ушами трещало и поѣшьте каши, а тамъ, съ Божіею помощію, примемся и за работу; зададимъ басурманамъ славнаго трезвону, чтобъ они своихъ не узнали.—Гдѣ имъ, бѣлосухарникамъ, устоять противъ Русскаго православнаго солдата, вскормленнаго ржаннымъ артельнымъ хлѣбомъ и ротнымъ квасомъ!» прибавилъ Генералъ Бистромъ. — «Точно такъ-съ, Ваше Превосходительство, —ради стараться!» отвѣчали единогласно солдаты, готовые, по одному слову своего начальника, броситься на враговъ, не думая болѣе о числѣ ихъ. — «Ты такъ и глядишъ, чтобъ заколоть трехъ Турокъ,» сказалъ Генералъ Бистромъ, обращаясь, какъ бы нарочно, къ рядовому Синюгину, который предсказывалъ бѣду своимъ товарищамъ. — «Больше заколю, Ваше Превосходительство! и не пикнутъ,» отвѣчалъ Синюгинъ, вытянувшись въ струнку. — «Молодецъ» сказалъ Генералъ Бистромъ, потрепалъ его по плечу, — «Русскому солдату стыдно идти на одного Турка: — Давай ему полдюжины на брата; такъ есть надъ чѣмъ поработать штыкомъ.»—«Впрочемъ, мы должны, ребята, оправдать довѣренность, сдѣланную намъ Государемъ Императоромъ, и развѣ по мертвымъ тѣламъ нашимъ пройдутъ Турки въ Варну,—продолжалъ онъ,—я просилъ Государя, дать мнѣ васъ, Гренадеры, и я отстою Варну. — Слы-

шите-ли ребята? не ударьте же лицомъ въ грязь!»— «Благодаримъ покорно! рады стараться!» отвѣчали усачи, восхищенные словами героя.

Бистромъ, одушевивъ воиновъ, возвратился въ свой редутъ. — Солдаты пошли ужинать, выпили отъ души за здоровье своего отца-командира и возвратились на свои бивуаки. — Скоро все смолкло. — Костры погасли и всѣ воины уснули глубокимъ сномъ — для многихъ изъ нихъ послѣднимъ успокоеніемъ въ жизни.

На другой день (т. е. 16-го Сентября) Омеръ-Вріоне сдѣлалъ нападеніе на 1-й баталіонъ. — Рядовой Синюгинъ оправдалъ на дѣлѣ слова свои, дѣйствительно закололъ пять Турокъ (¹).

Когда почти въ самомъ началѣ дѣла этотъ баталіонъ, бывъ окруженъ непріятелемъ, ударилъ въ штыки, рядовой Синюгинъ, находившійся тогда на флангѣ роты, въ присуствіи своего ротнаго командира, Флигель-Адъютанта Штабсъ-Капитана Барона Зальца, бросился впередъ и закололь трехъ Турокъ; потомъ, когда непріятель былъ опрокинутъ и обратился въ бѣгство, Синюгинъ, преслѣдуя его съ баталіономъ, догналъ и положилъ еще на мѣстѣ двухъ, при взводномъ командирѣ Подпоручикѣ Баронѣ Врангелѣ, и за тѣмъ уже, получивъ рану въ ногу, принужденъ былъ отстать отъ баталіона, имѣя шинель на себѣ прострѣленную въ восьми мѣстахъ.

Знакъ отличія Военнаго Ордена былъ ему наградою.

Для излеченія при этотъ полученной раны въ ногу, Синюгинъ былъ отправленъ въ Одесскій военный госпиталь и дальнѣйшаго судьба храбреца намъ неизвѣстна.

(¹) Подвигъ этотъ былъ описанъ въ донесеніи Генерала Бистрома Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу отъ 23-го Сентября 1828 года, за № 1695-мъ.

РЯДОВОЙ
КАРПЪ СЕМЕНОВИЧЪ КАЛЯКИНЪ.

(Награжденный Знакомъ отличія Военнаго Ордена.)

Рядовой Карпъ Семеновичь Калякинъ, — представляющій одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ истинно-Царской попечительности Императора Николая о судьбѣ воиновъ, вѣрою и правдою послужившихъ Государю и родинѣ, — происходился изъ г. Малоархангельска, Орловской Губерніи. Къ сожалѣнію, не смотря на тщательныя розысканія, Редакція не могла получить свѣдѣній ни о времени поступленія его въ службу, ни объ ее прохожденіи.

При началѣ первой Турецкой войны при Незабвенномъ Государѣ, Калякинъ состоялъ на службѣ въ Казанскомъ Пѣхотномъ Полку и въ рядахъ этого храбраго полка, 30-го Апрѣля 1828 года, прибылъ подъ крѣпость Браиловъ.

Съ разсвѣтомъ 2-го Мая одна бригада 18 дивизіи, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Полешки, съ стрѣлками Казанскаго Полка, быстро двинулась впередъ для занятія развалинъ предмѣстія, которыя уцѣлѣли при его сожженіи непріятелемъ.—Турки открыли сильный огонь съ батарей. Но это не остановило нашихъ. Стрѣлки прошли до гласиса и тамъ, изъ за развалинъ сгорѣвшихъ домовъ, продолжали перестрѣлку. Непріятель началъ дѣйствовать ядрами и картечью. Вятской Полкъ и артилерія были двинуты на подкрѣпленіе и къ-полудню предмѣстіе было занято совершенно и немедленно въ немъ устроено прикрытіе стрѣлкамъ, изъ части плетневыхъ заборовъ и всего, что нашлось подъ руками.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли убитыми 7 нижнихъ чиновъ; Генералъ Полешко получилъ контузію, и ранены 2 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и рядовой Карпъ Калякинъ, лишившійся обоихъ рукъ, оторванныхъ ядромъ, въ то время когда онъ цѣлилъ изъ ружья.

7-го Мая прибылъ подъ Браиловъ въ Бозѣ почивающій Незабвенный Государь и *въ первый* разъ явился среди своихъ воиновъ, раздѣляя съ ними труды и опасности войны.

Предъ отъѣздомъ Своимъ къ другимъ частямъ арміи, Державный Вождь нашъ посѣтилъ раненыхъ, наградилъ изъ Своихъ рукъ дорогимъ военнымъ крестомъ особо отличившихся, и еще болѣе радовалъ изувѣченныхъ тѣмъ отеческимъ участіемъ, которое такъ было свойственно Его великой душѣ. — Калякинъ имѣлъ счастіе обратить на себя особенное Высочайшее вниманіе. Государь Императоръ изволилъ пожаловать ему Знакъ Военнаго Ордена, единовременное денежное награжденіе въ 400 рубл. асс., ежегодную по смерть пенсію по 300 рубл. асс., изъ суммъ Государственнаго Казначейства, и повелѣлъ уволить его для жительства на родину, отправя выгоднымъ образомъ, съ надлежащимъ присмотромъ при добронравномъ, менѣе способнымъ къ тягостямъ войны, унтеръ-офицерѣ. Гражданскому Губернатору той губерніи, гдѣ хотѣлъ жить Калякинъ, Высочайше повелѣно: имѣть о немъ попеченіе, и если не окажется родственниковъ, которые-бы могли за нимъ ухаживать, то приставить къ нему добронравнаго и надежнаго инвалида изъ мѣстныхъ войскъ. Таковъ былъ Императоръ Николай Незабвенный въ Своихъ наградахъ за службу по-*присягѣ*.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ

ГРИГОРІЙ КУЗМИЧЪ ОЗЕРОВЪ.

(Награжденный Знакомъ отличія Военнаго Ордена.)

Унтеръ-офицеръ Григорій Кузмичъ Озеровъ — родился около 1823 года, происходилъ изъ казенныхъ крестьянъ Ставропольскаго уѣзда селенія Ладовской Балки, и поступилъ въ рекруты 2-го Января 1847 года.— 21-го Апрѣля того же года онъ зачисленъ рядовымъ въ (нынѣ Нижегородскій) Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полкъ.

О прохожденіи имъ службы до совершенія послѣдняго подвига — къ крайнему сожалѣнію — Редакція не могла получить никакихъ свѣдѣній.

Въ кровопролитномъ сраженіи противъ Турокъ 19-го Ноября 1853 года, на Баш-Кадык-ларскихъ высотахъ, при рѣшительномъ натискѣ на превосходнаго въ числительности непріятеля,—Озеровъ, въ числѣ первыхъ, врубился въ ряды Турокъ; былъ окруженъ непріятельскими уланами, но храбро отбился отъ нихъ и успѣлъ примкнуть къ своимъ. — Въ этомъ неровномъ бою, онъ полу-

чилъ двадцать четыре раны, въ томъ числѣ: двѣ пулями въ обѣ руки, шесть саблями въ голову, четыре саблями же въ лѣвую руку, и пиками: пять въ бока, четыре въ шею и двѣ въ ноги, и сверхъ того, у правой руки отрублено четыре пальца. — Крѣпкая натура, молодыя лѣта (28 лѣтъ) и искуство медиковъ сдѣлали чудо—Озеровъ вылечился отъ ранъ; но, какъ вовсе неспособный къ службѣ, былъ уволенъ въ отставку, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры и отпущенъ на родину. При этомъ командовавшій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-отъ-Кавалеріи Реадъ, ходатайствовалъ объ отпускѣ Озерову, по смерть его, солдатскаго пайка и о назначеніи въ ежегодное пособіе самый высшій размѣръ пенсіи, по существовавшимъ положеніямъ, составлявшій тогда для увѣчныхъ унтеръ-офицеровъ 57 рубл. 14½ к. сер. въ годъ. По докладѣ объ этомъ Его Величеству, Незабвенный Государь Императоръ, 19-го Ноября 1854 г., Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «отставному унтеръ-офицеру Озерову выдать единовременно, въ пособіе, триста рубл. сер., изъ Государственнаго Казначейства; отпускать солдатскій паекъ и, сверхъ того, производить изъ инвалиднаго капитала пенсію по сту рублей сер. въ годъ, пожизненно, въ награду за геройскій подвигъ Озерова и стойкость противъ непріятеля, и въ уваженіе полученныхъ 24 ранъ».

БОТСМАНЪ

ГРИГОРІЙ КОВАЛЬЧУКЪ.

(Награжденный Знакомъ отличія Военнаго Ордена.)

Григорій *Ковальчукъ*, — одинъ изъ храбрѣйшихъ моряковъ-Черноморцевъ, долгое время при защитѣ Севастополя бывшій постоянно первымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образцомъ отваги и находчивости, происходилъ изъ мѣщанъ города Люблина. Поступивъ на службу въ 1840 году, онъ служилъ матросомъ въ 33-мъ Флотскомъ Экипажѣ; въ 1848 году былъ произведенъ въ квартирмейстеры, а за хорошее дѣйствіе при орудіи, у котораго былъ комендоромъ въ Синопскомъ сраженіи, награжденъ *Знакомъ отличія Военнаго Ордена*. Вслѣдъ за этимъ знаменитая осада Севастополя обнаружила всѣ его рѣдкія качества. Достаточно было только намекнуть начальнику о чемъ нибудь, и Ковальчукъ являлся первымъ охотникомъ привести въ исполненіе это дѣло. Неустрашимый Лейтенантъ *Троицкій* избралъ его своимъ товарищемъ во всѣхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ, и не ошибся: Ковальчукъ былъ вѣрнымъ, безстрашнымъ его спутникомъ. До 5-го Октября 1854 года, когда только что осаждав-

шіе устроивали свои батареи, Лейтенантъ Троицкій и Григорій Ковальчукъ смѣло взбирались на непріятельскій валъ, и приносили точныя свѣдѣнія объ успѣхѣ вражескихъ работъ. — 5-го Октября, во время жестокой канонады съ моря, когда понадобилось развѣдать объ участи батареи № 10-го, тѣ же храбрецы, подъ градомъ ядеръ, пробрались на батарею, къ удивленію ея командира. Но въ ночь съ 8-го на 9-е Октября Ковальчукъ осиротѣлъ: храброму его начальнику суждено было пасть героемъ на непріятельской батареѣ, во время славной вылазки для заклепки орудій. Ковальчукъ разсказывалъ, что они вмѣстѣ забили нѣсколько заклепокъ, но вскорѣ въ толпѣ сражавшихся и въ темнотѣ ночи, онъ потерялъ Троицкаго изъ виду. За это дѣло Ковальчукъ награжденъ *двумя третями прибавки* къ получаемому жалованью.

Тяжелымъ баластомъ легла смерть Лейтенанта Троицкаго на душу Ковальчука; его терзала совѣсть, какъ онъ самъ признавался, что оставилъ своего ратнаго начальника-товарища въ рукахъ непріятеля. — Изъ 50-ти рубл. сер. Высочайшей награды, Ковальчукъ часто ставилъ свѣчу и служилъ панахиду за упокой души падшаго и поклялся отмстить *французу*, и клятву эту выполнилъ честно. Ни одна вылазка не обошлась безъ Ковальчука и онъ всегда возвращался съ окровавленнымъ штыкомъ: «досталось французу, Ваше Благородіе, — говаривалъ Ковальчукъ—пардону не было.»

Въ удачной вылазкѣ Лейтенанта Титова, Ковальчукъ, потѣшившись въ непріятельской траншеѣ, уже хотѣлъ оставить ее, но, не найдя своего начальника, догадался въ чемъ дѣло, и чтобъ не сдѣлать вторичнаго промаха, собралъ нѣсколько матросовъ-удальцевъ, бросился сно-

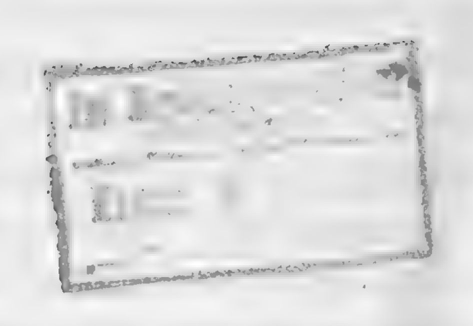
ва въ траншею и послѣ сильной рукопашной схватки отбилъ тяжело раненаго Лейтенанта Титова.

Расправляясь съ непріятелемъ штыкомъ, Ковальчукъ не забылъ и чугунныхъ гостинцевъ, и дѣйствовалъ при орудіи также успѣшно. Одинъ разъ французъ надъ нимъ жестоко подшутилъ: въ то время, когда онъ наводилъ бомбическое 68-ми-фунтовое орудіе на *разсерчавшаго француза*, граната упала на платформу и, разорвавшись, увлекла его, вмѣстѣ съ досками, въ амбразуру; обозженный, избитый, весь въ крови, подбѣжалъ Ковальчукъ къ орудію и взялся за шнуръ замка, чтобъ выпалить.— «Вишь ты какой шутникъ,» — проговорилъ онъ, утирая рукавомъ текущую кровь; но ребята его остановили, потому что станокъ и платформо были повреждены.—«Э! братцы, жаль: вѣдь навелъ-то прямо въ бороду земляку!»— Командиръ батареи на силу уговорилъ храбреца идти на перевязочный пунктъ; крѣпко ему не хотѣлось разставаться «съ матушкой-старушкой»,—такъ называлъ онъ бомбическую пушку, — да дѣлать нечего: голова была вся избита.—«Прощайте, братцы, и помните, что я остался въ долгу у француза,» сказалъ, уходя съ бастіона, славный комендоръ.

Когда Ковальчукъ поправился, экипажный командиръ взялъ его къ себѣ на ординарцы; но душно было храбрецу въ этой должности и онъ отправился на редутъ Шварца. Наконецъ, дождался Ковальчукъ Царской милости за подвиги и отличное поведеніе: онъ былъ представленъ къ тремъ третьямъ, т. е. къ Знаку Военнаго Ордена съ бантомъ, предварительно же былъ произведенъ въ ботсманматы.

Подвигами своими онъ былъ всѣмъ извѣстенъ — Павелъ Степановичъ Нахимовъ, посѣщая редутъ, всегда подходилъ къ Ковальчуку и спрашивалъ о его здоровьѣ.

Долго Ковальчукъ бодрствовалъ, былъ постоянно первымъ во всѣхъ опасностяхъ, и для всѣхъ окружающихъ служилъ образцемъ храбрости и находчивости. Каждое утро онъ подходилъ къ амбразурѣ и, поглядывая на непріятельскія траншеи, съ самодовольной улыбкой приговаривалъ: — «поближе, поближе подойдите земляки, авось мы васъ живьемъ заберемъ». — Командиръ редута, смѣясь называлъ его Ахиллесомъ, котораго можно поразить только въ пяту. Но нашлась бомба и для него.—8-го Іюля двухъ-пудовая бомба (извѣстная у матросовъ подъ общимъ названіемъ *мохлатка)*, перевалившись чрезъ валъ редута, упала какъ разъ около лежавшаго Ковальчука, и въ тотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ вскочить, чтобы уйти отъ нежданной гостьи, она съ трескомъ, какъ будто нарочно, предвѣщая всѣмъ, что исключитъ изъ списковъ еще однаго изъ храбрецовъ, разорвалась и — Ковальчука не стало.

БАРАБАНЩИКЪ

СТЕПАНЪ НИКИТИЧЪ РЕУТОВИЧЪ.

(Награжденный Знакомъ отличія Военнаго Ордена.)

Барабанщикъ Степанъ Никитичъ Реутовичъ.—которому одинъ изъ храбрыхъ полковъ нашей Арміи обязанъ спасеніемъ своего знамени, — родился въ 1819 году, въ Минской Губерніи, Слуцкомъ Уѣздѣ и происходилъ изъ крестьянъ деревни Ленколо, помѣщика Князя Витгенштейна. Въ службу онъ вступилъ рекрутомъ 16-го Ноября 1842г.; въ слѣдующемъ году, 22-го Марта, зачисленъ былъ рядовымъ въ Азовскій Пѣхотный Полкъ; 27-го Марта 1847г. переименованъ въ ротные барабанщики и въ этомъ званіи имѣлъ честь за служить Георгіевскій крестъ въ послѣдней войнѣ.

Въ сраженіи 4-го Августа 1855 г., на Черной-Рѣчкѣ, знаменщикъ 4 баталіона Вологодскаго Пѣхотнаго Полка, при отступленіи баталіона, былъ тяжело раненъ; два ассистента, принимавшіе отъ него знамя, одинъ за другимъ были убиты, и послѣ того знамя, перебитое въ древкѣ, упало на землю.—Реутовичь, самъ раненный въ этомъ сраженіи, лежалъ возлѣ того мѣста, гдѣ упала пере-

битая хоругвъ; но, не смотря на боль, поднялъ святыну и вынесъ ее изъ схватки.

Главнокомандовавшій наградилъ Реутовича за этотъ подвигъ Знакомъ отличія Военнаго ордена

Но, не долго дорогой крестъ украшалъ храбраго барабанщика: 17-го Октября того же года онъ умеръ въ Бакчисарайскомъ военновременномъ госпиталѣ отъ обыкновенной болѣзни.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ Своемъ высокомъ благоволеніи къ такому предпріятію, изволилъ осчастливить новую Редакцію Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ денежнаго пособія, о чемъ я не дерзалъ даже и думать, не только что просить. На текущій (1862) годъ Возлюбленный Монархъ благоволилъ осчастливить подпискою для Своей Священной Особы, для всѣхъ частей Гвардіи, въ которыхъ Его Величество состоитъ Шефомъ, и, сверхъ того, даровалъ новое денежное пособіе. Всѣ Августѣйшія Особы Императорской Фамиліи равномѣрно удостоили изданіе по новой программѣ Своею подпискою (въ 1861 и 1862 гг.). Редакція имѣла также радость получить разрѣшеніе помѣстить (въ 3-мъ выпускѣ) подробное описаніе дорогаго для Отечества подвига, которымъ заслуженъ крестъ св. Георгія ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.

Какъ Русскій, я вѣрую, что такое вниманіе ДЕРЖАВНАГО КАВАЛЕРА и Царской Семьи — не можетъ не служить залогомъ успѣха предпріятія.

Цѣль изданія **«ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ»** собрать свѣдѣнія о службѣ и жизни кавалеровъ, какъ получившихъ орденъ «за храбрость» и нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знакъ отличія военнаго ордена; такъ и достопамятнѣйшихъ изъ лицъ имѣющихъ его за выслугу лѣтъ. Такимъ образомъ, изданіе можетъ сдѣлаться хранилищемъ (архивомъ) свѣдѣній о подвигахъ, прославившихъ Русское воинство и о жизни достойнѣйшихъ сыновъ отчизны, ибо Редакція будетъ неутомимо, не щадя ни какихъ усилій, собирать всѣ относящіяся сюда подробности отъ мѣстъ и лицъ, почему либо могущихъ доставить подобныя свѣдѣнія.

Изданіе должно сдѣлаться *народнымъ*, ибо въ немъ будетъ говориться о тѣхъ, которые въ теченіе вѣка сохранили незапятнанною родную славу, возвеличили и сдѣлали грознымъ имя Русское въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на моряхъ, расширили предѣлы Имперіи. Въ немъ явятся и «орлы» временъ громкаго побѣдами вѣка Великой УЧРЕДИТЕЛЬНИЦЫ ордена, гиганты военной славы, грозные побѣдители съ Задунайскимъ, Рымникскимъ, Таврическимъ, Чесменскимъ, герои Кагула, Ларги, Рымника, Очакова, Измаила, Праги, Чесмы; тутъ будутъ наши отцы, спасшіе Русь Святую подъ Смоленскомъ, на поляхъ Бородина, Тарутина, при Мало-Ярославцѣ, Красномъ, подъ Полоцкомъ, на Березинѣ и, подъ личнымъ предводительствомъ БЛАГОСЛОВЕННАГО «ЦАРЕЙ ДИКТАТОРА», перенесшіе славныя знамена наши чрезъ Люценъ, Кульмъ, Лейпцигъ, Бріеннь, Арсисъ, Краонъ, Феръ-Шампенуазъ, на высоты Монмартра и башни Парижа и, въ то же время, подъ начальствомъ вождей Его, доблестно ограждавшіе честь и достоинство государства противъ Турокъ, Шведовъ, Персіанъ — на Дунаѣ, въ Финляндіи, въ Закавказьѣ; тутъ будутъ наши современники, развѣвавшіе знамена НИКОЛАЯ въ Эривани и Таврисѣ, въ Браиловѣ и Варнѣ, въ Адріанополѣ и Арзрумѣ, видѣвшіе Балканы и Араксъ, «поступившіе по-русски» при Наваринѣ, герои Грохова и Остроленки, тѣ предъ которыми пала въ прахъ Варшава и смирились Венгры; наконецъ, въ него войдутъ подвиги послѣднихъ боевъ: «внуковъ», оказавшихся «достойными дѣдовъ» подъ Синопомъ, неустрашимыхъ воиновъ Башъ-Кадыръ-Лара и Кюрикъ-Дара, Ольтеницы и Четати, и безсмертные защитники Севастополя, а также славные дѣйствователи постоянной борьбы кавказской: Гимръ и Гоцатель, Ахульго и Кака-Шуры, Дарго и Кутышъ, Сальтовъ и Гергебиля, Чохъ и Мичика, Ведена и Гуниба, Михайловскаго и Ахтовъ, Головинскаго и Массельдигеръ, и безчисленные подвиги горсти храбрыхъ противъ многочисленныхъ хищниковъ.— Каждая часть войскъ, полкъ, баталіонъ, экипажъ, эскадронъ, батарея, сотня, будутъ имѣть свою долю въ этой лѣтописи славы, и едва ли не каждое дворянское семейство, не каждый городъ, станица и деревня, не каждое учебное заведеніе найдутъ свое имя въ этомъ сборникѣ о подвигахъ, совершенныхъ на пользу и во славу Вѣры Православной, Престола Царскаго и Святой Руси.

Изданіе, какъ надѣюсь, особенно будетъ полезно для нижнихъ чиновъ, ибо кому не извѣстно, съ какою жадностью они слушаютъ, передаваемыя по преданію, повѣствованія о чудныхъ дѣлахъ своихъ предшественниковъ, начальниковъ и товарищей? Но кто также не знаетъ, какъ невѣрны солдатскіе разсказы? Въ настоящее время, когда, по благой мысли Возлюбленнаго ГОСУДАРЯ, грамотность быстро распространяется между нижними чинами, когда волею ДЕРЖАВНАГО КАВАЛЕРА, орденъ пріобрѣлъ сильнѣйшее противъ прежняго значеніе, *грѣшно* не содѣйствовать распространенію въ побѣдоносномъ воинствѣ истинныхъ сказаній о военныхъ подвигахъ, а между ними первое мѣсто принадлежитъ дѣламъ доблести кавалеровъ ордена храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ и знака отличія этого ордена.

Какъ продолженіе предпріятія г. полковника Новоселова, но въ видѣ прибавленія къ періодическому изданію «Георгіевскіе Кавалеры» выходятъ: **КАВКАЗЦЫ, ИЛИ ОПИСАНІЕ ПОДВИГОВЪ И СЛУЖБЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ, ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.**

Въ это прибавленіе войдетъ описаніе подвиговъ и жизни тѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, которыя *не получили Георгіевскаго креста, но, по многимъ причинамъ, достойны жить въ памяти потомства.*

Редакція не дѣлаетъ блестящихъ обѣщаній, не рѣдко неисполнимыхъ, не смотря на всѣ старанія, но даетъ честное слово усердно трудиться, и принимать, все отъ нее зависящее, чтобы собрать и издать возможно болѣе подробностей о подвигахъ и жизни кавалеровъ Св. Георгія и лицъ, отличившихся на Кавказѣ, въ видѣ достойномъ важности предмета. Въ то же время редакція смѣетъ увѣрить, что она *приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры,* чтобы лицамъ и мѣстамъ, удостоившимъ изданіе своимъ вниманіемъ, *непремѣнно доставлялись тетради своевременно.*

«Георгіевскіе Кавалеры» *выходятъ* съ перваго дня девяносто-втораго года существованія ордена, т. е. съ 26-го Ноября 1860 года, тетрадями, отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ съ приложеніемъ портрета, плана сраженія или изображенія дѣлъ. Подвиги и жизнеописанія *помѣщаются* не въ хронологическомъ или иномъ какомъ порядкѣ, но по мѣрѣ окончательнаго изготовленія статей, однако каждая статья печатается съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ, чтобы послѣ онѣ могли быть расположены по желанію. Въ теченіе 1862 года выйдутъ 12 тетрадей, которыя составятъ огромный томъ, въ 36—40 листовъ, и не менѣе какъ съ 12-ю приложеніями.

Прибавленіе «Кавказцы» выходитъ 4-мя тетрадями въ годъ, въ 3—4 листа, съ приложеніями, совершенно въ томъ же видѣ, какъ и «Георгіевскіе Кавалеры», такъ что желающіе могутъ переплетать вмѣстѣ съ прибавленіемъ и жизнеописанія Кавказцевъ, помѣщенныя въ самомъ изданіи и, такимъ образомъ, получатъ полный *Біографичевкій Словарь лицъ отличившихся на Кавказѣ.*

Подписная цѣна въ 1862 г. за изданіе «Георгіевскіе Кавалеры» (безъ прибавленія «Кавказцы») *восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ* (за экземпляры для нижнихъ чиновъ *три рубля пятьдесятъ копѣекъ*); а за **«Георгіевскіе Кавалеры» вмѣстѣ съ «Кавказцами»** *десять рублей пятьдесятъ копѣекъ,* (для нижнихъ чиновъ *четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ*); за пересылку прилагается: за изданіе «Георгіевскіе Кавалеры» (безъ «Кавказцевъ») 1 руб. 50 коп.; за «Георгіевскіе Кавалеры» и «Кавказцы» 2 р. 50 коп; за доставку на домъ въ С.-Петербургѣ тѣхъ или другихъ по 50 коп. **За 6 выпусковъ изданія «Георгіевскіе Кавалеры» вышедшихъ въ 1861 году,** и остающихся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, цѣна *для обыкновенныхъ подписчиковъ* 4 р. 50 к., а *для войскъ* по 1 р. 75, за пересылку прилагается по 75 коп. Господа служащіе и разныя части и мѣста управленій могутъ вносить деньги въ сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы черезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

Подписка принимается, для жителей С. Петербурга:
Въ Главныхъ Конторахъ изданія, помѣщающихся: а) по Каменно-Островскому проспекту въ домѣ Нешпаркевича № 39 (гдѣ находится и Редакція) и б) по Итальянской улицѣ домъ № 33, и у коммиссіонера Редакціи книгопродавца Крашенинникова, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Адмиралтейской Площади въ домѣ Греффа.
Иногородные благоволятъ надписывать свои требованія просто: «въ Редакцію Георгіевскіе Кавалеры, въ С.-Петербургъ», ибо дальнѣйшій адресъ извѣстенъ почтовому вѣдомству.

Редакторъ-Издатель ВСЕВОЛОДЪ МАМЫШЕВЪ.

ОДОБРЕНО ЦЕНЗУРОЮ, С.-Петербургъ, 11 Декабря 1862 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.